

александр архангельский
Страшные
фосилы
и жуткие
жиды

Александр Николаевич Архангельский

Страшные фОшЫсты и жуткие жЫды

Текст предоставлен издательством «Амформа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181911

*Страшные фОшЫсты и жуткие жЫды. Мифология третьего срока: Амфора; М.: 2008
ISBN 978-5-367-00769-5*

Аннотация

Книга писателя, публициста и телеведущего Александра Архангельского хронологически продолжает сборник «Базовые ценности». В ее основу положены колонки, еженедельно публиковавшиеся на сайте «РИА Новости» в 2006—2008 гг. Откликаясь на актуальные для сегодняшней России темы, предлагая ответы на ключевые вопросы и обнажая реальные проблемы, автор создает летопись современности, которая на наших глазах становится историей.

Содержание

Вместо предисловия	4
Часть первая	7
Нефть и дух: начало XX века	8
Дух нефти: начало века XXI	9
Авторитарность: слово дико, но мне ласкает слух оно	10
Империя после империи	12
Россия – существительное, русский – прилагательное	14
Точечный авторитаризм	18
На очередной развилке	21
Часть вторая	23
2006	23
Упреждающая пародия	23
Геи и славяне	24
Поздно пить «Боржоми»	26
Сахаров	27
Поздний реабилитанс	29
Кто мы, откуда, куда и зачем	31
Гадание о прокуроре	32
Премиальные контуры сверхдержавы	34
Южное Бутово и Северная страна	35
Министерство устиции: без вина виноватые	37
Роснефть навывнос и в розлив	39
От Басаева до Януковича	41
Всерьез и по приколу	43
Информационное неравенство	43
Союзнички	45
Эрмитаж: заповедь 10 прим.	46
Чисто не радует	48
Все на Митинг за смыслом жизни	50
Русские в Китае	52
Пушкин и Кондопога	54
Гайдар и крах империи	56
Не оранжевая. Не революция	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Архангельский

Страшные фОшЫсты и жуткие жЫды

Вместо предисловия

Нашему поколению, кому от сорока до пятидесяти, повезло. Мы прошли невероятную историческую школу, прожили несколько эпох. Каждая из них могла затянуться на целую жизнь. Но просвистели – не заметили. А сколько будет поворотов впереди! Возможно, тяжелых. Наверняка рискованных. Но, может статься, и счастливых: нам везло уже неоднократно. Детская вера в чудо не исключает взрослой трезвости подхода к жизни; готовиться к худшему в надежде на лучшее – вероятно, правильной всего. В любом случае никто уже не отнимет у нас главного: ощущения родной истории как неостановимого процесса, мучительного, радостного, трагического, дающего шанс выскочить из тупика в последнюю секунду и грозящего провалом в бездну, когда, казалось бы, все худшее осталось позади.

Собственно, это мироощущение не историка и не политика. Это мироощущение летописца. Историк старается смотреть на свой предмет как бы извне быстротекущего процесса. Во многом это иллюзия: в историческом пространстве невозможно найти объективную точку отсчета, совершенно не зависящую от человека, его ориентиров, морали, веры, идеологии. И все же можно попытаться ограничить свой интеллектуальный произвол до предела, аскетически отсечь все лишнее, случайное, опереться на документ как таковой. Политик воспринимает жизнь сквозь призму тактического интереса и стратегической задачи; событие ценно для него не само по себе; важно лишь, содействует оно или мешает добиваться цели. Летописец – не прямой участник, но и не сторонний наблюдатель; он видит сиюминутное как проявление вечного, и при этом – как зависящее от нашей воли, нашего этического самоопределения. Современность для него – история, данная в ощущениях, еще не остывшая, не завершившаяся; это внешняя дробность, изначально наделенная внутренней цельностью. И подневная, недельная, помесечная роспись происшествий лишь выявляет логику движения страны и мира сквозь ускользающее время.

Книга, которую вы держите в руках, основана именно на этом принципе, на этой оптике. Хронологически она продолжает сборник «Базовые ценности: инструкции по применению», который был выпущен издательством «Амфора» весной 2006 года. Ключевая, сквозная тема «Базовых ценностей» была подсказана срединным периодом путинского царствования: год от года нарастало чувство, что большая, разнородная страна в гражданском отношении ничем не связана, не объединена; что общественному поиску простейших базовых ценностей, объединяющих гражданскую нацию, властвующий класс предпочел строительство потемкинских муляжей, производство дымовых завес. Мы из недели в неделю фиксировали это нарастание политической мнимости, смысловой кажимости. Рано или поздно мнимости должны были сложиться в своеобразную систему, оформиться в некие устойчивые мифы, живущие своей самостоятельной жизнью и способные, в свою очередь, порождать новые мифологемы. Из самих себя. Вегетативно. Без соприкосновений с реальностью.

Внутренний сюжет нового публицистического повествования – *мифология третьего срока*.

10 мая 2006 года в президентском послании впервые прозвучал намек на то, что Путин может остаться во власти. Он процитировал Франклина Рузвельта и подтекстом отослал нас к примеру Столыпина; всякий опытный наблюдатель с ходу читал сквозь строки: Рузвельт нарушил неписаную традицию американских президентов занимать свой пост не более двух сроков кряду – и был переизбран еще дважды, чтобы продолжить борьбу с Олигархией,

завершить преодоление Депрессии и открыть Второй фронт. А Столыпин, как помнит каждый, просил у истории двадцать лет политического покоя для полного преобразования России – и не останавливался ни перед чем, чтобы погасить разгорающуюся революцию. Которая все равно произошла.

Затем в МГИМО состоялась конференция, посвященная великому учителю российских кормчих Рузвельту; на конференции выступил штатный идеолог власти Владислав Сурков. Стало окончательно ясно, что мода на рузвельтианство носит системный и обдуманый характер: тут же по ключевым каналам пошли как бы документальные фильмы про борца с американской олигархией. Выстраивая жесткую параллель Великая Депрессия – Великий Президент – Великая Победа, режиссеры и технологи подводили зрителей к простому выводу: ВВП тоже надо остаться. Равнение на рузвельтат.

При этом сам президент последовательно, четко говорил: я на третий срок не пойду и конституцию менять не буду. Говорил прямо, без привычного уклонения в политическую риторику. Слова руководителя и действия его ближайших подчиненных расходились все дальше; возникало предгрозовое напряжение общественной атмосферы. Гадания о том, уйдет ли Путин, останется ли, в каких формах, на каких основаниях, по существу, были приглашены только 11 декабря 2007 года. Когда стране официально предъявили преемника и наш медвежий угол украсился триумvirатом говорящих фамилий: Медведев, Грызлов и Сурков. Утром следующего дня была очерчена схема управления страной после мартовских выборов. Разговоры про третий срок как бы пригасили. Но до конца эти гадания самоисчерпались только что. А эпилог в действительности еще впереди.

Естественно, что в колонках, которые публиковались все это время на сайте «РИА Новости» и составили основу книги «Страшные фОшЫсты и жуткие жЫды»¹, я в той или иной форме возвращался к теме третьего срока. Откликался на животрепещущие темы, уходил в сторону, увлекался мелочами, а все равно – история заставляла возвращаться к сквозному сюжету. Я писал о том, что управляющий класс, неожиданно для всех – и для себя – взявший власть на рубеже 90-х и нулевых, мучительно ищет ответ на неразрешимые вопросы: как сохранить иллюзию стабильности, когда ты сам ощущаешь себя балансирующим на краю бездонной пропасти? как обосновать свое право обладать страной после исчезновения путинского мандата? чем заполнить идейную пустоту, воцарившуюся в обществе – во многом по вине так называемых элит?

И все же я не столько анализировал расклады и расстановки сил, сколько обсуждал гуманитарную проблему: какими подменами ценностей, какими идеологическими микшерами пользовалась власть, прикрывая правду о собственном замысле; какую гуманитарную цену мы заплатим за ее политическое волхование. Под прикрытием пустых разговоров о Рузвельте мы стройными шагами двигались навстречу Кондопоге и грузинским событиям; припугнув страну тенью *страшных фoшЫстов*, которые, в свою очередь, страшали мир угрозой *жутких жЫдов*², наши элиты стали с оружием в руках выяснять отношения между собою – и на территории России (убийство Политковской), и в границах Британской империи (история с Литвиненко); а потом, как бы вновь спохватившись, стали размахивать хоругами и прикрывать свою бессмысленность – иконами.

Сквозь эту трассирующую фабулу я старался, насколько возможно, возвращаться к ключевому вопросу: какие *реальные*, не мифологические проблемы стоят перед всеми нами, через какие испытания нам неизбежно предстоит пройти? Пытался в потоке новостей заме-

¹ За исключением нескольких текстов второй части: «Поздно пить „Боржоми“» (он был напечатан в «Профиле»), «Гадание о прокуроре», «Союзнички» и «Покаяние. Второй заход» («Известия»). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.

² Историю происхождения специфической «терминологии» см. ниже, во второй части книги, в тексте, давшем ей название.

тить темы, подтверждающие смутное ощущение: общество само нащупывает новые опоры; медленно, как плодородный слой, нарастают новые привычки и новые ценности. И главный вопрос заключается вовсе не в том, останется ли Путин или уйдет, а в том, успеет ли недовоссозданное, но больное комплексом неполноценности государство пригасить этот самостоятельный рост российского общества – раньше, чем общество созреет и поставит государство на место. Не разрушит, не ослабит, а именно *поставит на место*. Определит ему границы действий, сформулирует задачи, наделит легитимными – ограниченными – в рамках правил – полномочиями и самих властителей, и их присных, и спецслужбы.

Воспроизводя эти колонки, выстраивая их в единую штрихпунктирную линию, я позволил себе над ними поработать. Во-первых, они сопровождаются развернутым напоминанием о том, что творилось на свете в то время, когда эти тексты написаны; каждой колонке предпослан краткий перечень ключевых событий данной недели в истории. С небольшими пояснениями, если это нужно. Во-вторых, клочковатому летописанию в книге предшествует развернутое эссе о том, перед какой исторической развилкой мы стоим – и какие вызовы бросает нам новое столетие. (В основу первой части положен доклад, прочитанный на международных Женевских встречах осенью 2007 года; по-русски он не публиковался.) Насколько вторая часть близорука, настолько первая – дальнзорка; в этом умственном астигматизме заключено, надеюсь, взаимное противоядие. Хочется надеяться, что вторая часть подлечит первую от соблазнов птичьего полета, а первая подстрахует вторую от опасности утраты общего кругозора. В-третьих, все тексты (включая эссе) редакторски обработаны, в них отсеяно сюминутное, устаревающее сразу; но оценки и выводы – сохранены; стремиться выглядеть умнее, чем ты был на самом деле, – глупость.

Часть первая

Между историей и географией

У футуристических прогнозов есть общее свойство. Они никогда не сбываются. В ход четко расчисленных событий вторгаются случайности; случайности складываются в систему; система оказывается сильнее прежних раскладов. Пророк разводит руками, показывает на небо и пафосно ссылается на Провидение.

Поэтому я не делаю прогнозов. Я лишь пробую понять, с какими вызовами столкнется – и уже сталкивается – Россия в этом веке. Размышляю: какие ответы будет нам подсказывать великая сила культурно-исторической инерции и сегодняшнее состояние общества. Строю осторожное предположение: какие возможности развития, какие потенциальные сценарии движения имеются у нас в запасе. И высказываю некие пожелания, которые то ли исполнятся, то ли пойдут прахом.

Нефть и дух: начало XX века

В начале прошлого столетия европейские вкладчики скупали российские акции, гарантированные царским правительством, закладываясь на сверхдоходы от вложений в первую русскую нефть. Над самодержавным устройством акционеры хихикали: устарело. Но в общем-то не возражали: если в медвежьем углу порядок может навести лишь самодержец, пусть будет так; по крайней мере, для Европы безопасней русские монархи, чем непредсказуемый русский народ. В это же самое время европейские интеллектуалы, от Шпенглера до Верхарна и Рильке, связывали с Россией иные надежды. Они мечтали о том, что свет воссияет с Востока, *ex oriente lux*; что западные культуры, в которых интерес возобладал над идеалом, получают духовный импульс для внутреннего развития, отменяют или, по крайней мере, отсрочат надвигающийся «Закат Европы».

Итог хорошо известен. Тот, кто делал ставку на железную дисциплину царской власти, проиграл. Мы впали в бешенство коммунизма, понапрасну растратили свои гигантские силы и показали миру пример того, как нельзя вести себя в истории. За исключением краткого отрезка времени – Великой Отечественной, когда, по словам Пастернака, возобладало народное чувство свободы; оно и позволило одержать великую победу. Зато в науке, технике, культуре наши достижения были несомненными, вдохновляющими, позитивными и оказавшими влияние на мир. Фантастические ожидания европейских интеллектуалов оказались чуть реалистичнее, чем пустые расчеты прагматиков; впрочем, они понимали под русской духовностью нечто иное.

Дух нефти: начало века XXI

Кажется, теперь никто не ждет от России, что – *ex oriente lux*. Ждут совершенно другого. Во-первых, того же, чего ждали ровно сто лет назад: серьезного экономического роста. Не такого бурного, как в Китае, и все же. Ясно, что российская экономика давно уже преодолела состояние клинической смерти; несмотря на свой сырьевой характер, она может и будет претендовать на четвертую-пятую позиции в мировой табели финансовых рангов, вслед за Китаем, Индией, Бразилией, Америкой и объединенной Европой. Более того, одним из главных мировых ресурсов в ближайшие годы станут запасы пресной воды, и экономический статус России с ее сибирскими реками и озером Байкал после 2030 года должен возрасти многократно.

Чего еще ждут? Ждут исполнения особой геополитической миссии. Это миссия равновесия, территориального баланса между слишком бурно растущим Китаем и чересчур медлительной Европой; так в Средние века Русь держала баланс между европейским пространством и татаро-монгольскими ордами. Ждут, что она возьмет на себя роль посредника во взаимоотношениях между сильными странами «золотого миллиарда» и слабыми странами Востока и Юга. Именно потому, что Россия конца XX века принадлежала к лагерю слабых, а Россия 30-х годов XXI столетия будет принадлежать к лагерю сильных, ей внутренне понятна логика и тех и других.

При этом никто не ставит на то, что Россия естественно встроится в состав Европы, станет закономерной частью европейского и – шире – западного пространства. Всеобщий посредник – да, безупречный поставщик ресурсов – да, территориальный буфер – да, равноправный участник европейского процесса – нет. Если Россия XXI века согласится принять предлагаемые правила игры, Запад охотно закроет глаза на недемократичность ее внутреннего устройства. На словах – ворчание ягнят; на деле – молчаливый сговор приятия. Потому что никто не верит в привычку россиян к ответственной свободе. Русские авторитарии умеют договариваться; если они не претендуют на мировую гегемонию, то их политика предсказуема и стабильна. Ближайший экономический сосед Европы при определенных условиях может быть надежным энергетическим партнером, но не может жить в условиях полноценной демократии. И это положение будет сохраняться как минимум в течение полувека.

Этого – ждут. А чего боятся?

Авторитарность: слово дико, но мне ласкает слух оно

Боятся новых проявлений имперского инстинкта. Западным партнерам бесполезно объяснять, что недавние конфликты «Газпрома» с Украиной и Белоруссией были а) следствием финансовой борьбы с ненадежными посредниками, б) изощренной формой мести со стороны ревнивой политической элиты за то, что Украина и Белоруссия вышли за пределы российского влияния. Партнеры видели в происходящем нечто иное: государственная монополия ставит на колени соседние экономики; кто сможет помешать «Газпрому» точно так же обойтись с Германией, Францией и другими потребителями российского газа, если возникнет конфликт или хотя бы появятся основательные разногласия между Москвой – и Берлином, Москвой – и Парижем?

Боятся роста военной силы, который сопровождается отчетливо выраженной претензией на серьезную роль в мировой политике. Ни у кого нет уверенности, что эта, пока еще умеренная, претензия не перерастет в нечто большее и по-настоящему опасное; что советская привычка доминировать не возобладает в действиях новой России. Почти никто не думает о том, что милитаризация российского политического сознания – в той же мере следствие советских комплексов нынешней власти, в какой прямой результат недалековидных решений западных элит, не пожелавших интегрировать слишком сложную и амбиционную Россию в запутанные внутриевропейские, внутриатлантические отношения. Говорят, что ранний Путин, еще не оглушенный Бесланом и не ошарашенный историей с полонием, предлагал на закрытых переговорах в конце 2001 года *пригласить* ядерную и гигантскую Россию в НАТО (именно *пригласить*, а не поставить в общую очередь); в ответ он выслушал холодную лекцию о важности демократических процедур – и сделал определенные выводы. Некоторые из них, боюсь, что далеко не все, он впоследствии огласит в своей на шумевшей Мюнхенской речи.

Боятся и того, что силовая составляющая в российской внутренней политике в течение следующих четырех–восьми лет окончательно сметет остатки демократии 90-х и даже мягкий авторитаризм 2000-х. Сметет – и перекинется на сопредельный мир. Так что ядерный скандал с полонием в центре Лондона покажется детской шалостью.

Наконец, смертельно боятся противоположного сценария. Что в результате внутриполитических неудач или резкой смены мировой экономической конъюнктуры ядерная Россия катастрофически ослабнет, утратит управляемость и снова начнет разваливаться, как развалился Советский Союз. И если процесс распада СССР удалось удержать в относительно мирных рамках, то сейчас никто таких гарантий уже не даст. А это значит, что по всему периметру российских границ возникнет зона отчуждения; сопредельные страны окажутся в тотальном экономическом и военном проигрыше, ибо все российские риски станут их собственными рисками, а центральноевропейские державы поневоле будут играть ту самую роль геополитического буфера, которую сейчас они охотно готовы предоставить России.

Поэтому, повторяя вслух весь набор демократических штампов, многие западники внутренне уверены: умеренный авторитаризм больше всего подходит для диковатой России. Для ее культурно-политической традиции, которую модернизировать невозможно. Да и не нужно. Лучше, наоборот, ее подморозить. Потому что в отличие от полномасштабной тирании привычный и понятный русский авторитаризм не будет угрожать покою Европы, а в отличие от полноценной демократии позволит сохранить богатую запасами и при этом потенциально взрывоопасную территорию под надежным контролем.

Слишком многие хотели бы видеть Россию важной обочиной глобального мира. Развитой, но далее – не развивающейся. Участвующей в общих процессах, но не претендующей на заметные роли. Чрезмерной слабости России опасаются примерно в той же мере,

в какой боятся ее излишней мощи; одинаково страшатся российской экспансии с позиций силы – и внутрироссийского раскола; критикуют за отступления от демократии, но в реальности предпочитают иметь дело с гуманной версией авторитарности. Потому что так удобней, предсказуемей, безопасней.

Империя после империи

А чего ждет от себя и чего боится сама Россия XXI века? Чтобы попробовать это понять, необходимо трезво и спокойно оценить ее сегодняшнее состояние.

Начнем с имперских комплексов.

Вычесть имперское начало из нашей истории, из нашей традиции – невозможно. Процесс *расширяющегося объединения* длился полтысячелетия; имперский характер русской культуры, в том числе культуры политической, начал складываться задолго до того, как Русь стала Россией, а царство – империей. Нравится это кому-то или нет, но в течение долгих веков формировалась привычка к бесконечному расширению, предпочтение общего – частному, державного – личному. И также всемирная отзывчивость. Масштабность. Открытость разным национальным мирам. Умение быстро перерабатывать чужое, делая его своим. Этот сгусток имперских идей, как сыворотка, воспроизводился в разных изводах русской культуры, от эпохи к эпохе приобретал новые формы, никогда не исчезая до конца. Даже в советское время.

Но в 1991 году, впервые за шесть веков, страна не просто потеряла отдельные территории. Она схлопнулась, сжалась. Без малейших шансов возобновить свою имперскую экспансию. По крайней мере в обозримой исторической перспективе. Русским школьникам следующих поколений придется объяснять, что «Севастопольские рассказы» Льва Толстого посвящены не украинской войне, а войне русской, потому что Крым когда-то был частью России; они будут верить, но с трудом. Так сейчас известный израильский ученый может – исходя из лучших побуждений – подтверждать «Крымскими сонетами» малоизвестного еврейского поэта XIX века нехитрый тезис: вопреки устоявшемуся мнению, евреи не считали Украину «обителью зла», они любили ее, как свою вторую родину; с ходу сообразить, что Крым позапрошлого века не был Украиной, он уже не в состоянии, нужно лезть в энциклопедии³. Поменялся вектор нашего развития; если раньше главной задачей было постоянное расширение вовне, то теперь появилась объективная необходимость удерживать территорию от потенциальной угрозы дальнейшего распада.

Другое дело, что все эти грандиозные процессы протекали на фоне полного коллапса экономики, морального ступора отечественной интеллигенции и обманчивой восточной политики Европы и Америки. Колоссальные идеологические и психологические последствия для настоящего и будущего страны были неизбежны. Многие восприняли драматическую трансформацию государства как его полноценную гибель без возможности восстановления. Значительная часть элит, даже вовлеченных в процесс преобразований, считала и считает подписание Беловежского договора и роспуск СССР предательством, причиной главной геополитической катастрофы XX века. В итоге идеи федеративного существования большого многонационального государства так и не стали новой основой политической культуры.

Последствия этого мы ясно видим сегодня. Государственные институты восстановлены в правах, достигнуто общественное спокойствие, экономика работает. Но одновременно строится предельно жесткая вертикаль власти, последовательно уничтожается местное самоуправление, выборы подконтрольны, все сколько-нибудь влиятельные медиа подмяты государством, а процесс назначения нового правительства – достаточно либерального по своему основному составу – превращается в подобие фарса а-ля Леонид Ильич Брежнев. Так молодой федерацией не управляют. Так управляют именно империей эпохи заката.

³ Случай вполне реальный; произошел в Женеве на конференции «Киев и Москва на пути в Европу» (1992).

Что же до отношений с миром и массовых представлений о Западе, то искусственно создан и рутинно поддерживается образ России, окруженной тотально враждебным ей миром; этот мир спит и видит, как бы лишить страну ее суверенитета, ввести в ней «внешнее управление». Плацдармами для коварных западных инструкторов служат страны-сателлиты, прежде всего Грузия и государства Балтии; традиционно враждебна Польша; выход один – наращивать и совершенствовать оружие, использовать природные ресурсы для политического воздействия, а не только для зарабатывания денег, искать союзников в лучшем случае среди азиатских тигров, а в худшем – среди энергетических монстров вроде Венесуэлы.⁴

Все это так. И тем не менее Россия, в отличие от Союзной Югославии, удержалась от самого опасного из имперских соблазнов, который подстерегал ее на сломе эпох: не начала военные действия против «беглых» республик. Чеченский синдром, при всем его ужасе, так и остался локальным явлением, не дал метастазы по всему периметру границ. Да, наши военные подыгрывали Абхазии и Южной Осетии в их конфликте с Грузией. Но полномасштабной войны с Тбилиси не было. Да, мы поставляли вооружение в Карабах и тайно торговали оружием в Приднестровье. Но непосредственного, организованного, армейского участия в боевых действиях за пределами России не принимали. Что сохранило стране шанс на иной вариант развития событий. Федеративный. Пускай не сейчас. Пускай не сразу. И навсегда осложнило имперский комплекс здоровым инстинктом общенационального самосохранения.

Это очень важно подчеркнуть. Полноценный носитель имперского сознания ставит величие Империи выше любых интересов, даже выше собственной малой жизни. Большинство россиян на словах требуют восстановления «Великой России», считают обширное пространство нашей основной исторической ценностью. Но на деле жертвовать чем-либо ради сохранения этого масштаба не готовы. А что это за общественная ценность, за которую нация не готова платить? Это не ценность, а фикция.

Более того – те самые элиты, которые всерьез говорят об угрозе «внешнего управления», сами по себе настроены глубоко прозападно. Им нужно, чтобы Россия была членом ВТО. Им нужно, чтобы их дети на равных правах с выходцами из лучших европейских семей учились в женевских лицеях и английских университетах, деньги вращались на мировых финансовых рынках, а частный визит за границу не заканчивался арестом в Америке и экстрадацией в Швейцарию, как это случилось с Павлом Бородиным и Евгением Адамовым. Нынешние наши властители – сторонники империи на словах, а может быть, и в мыслях, но глобалисты на практике. А Россия – федерация, до сих пор управляемая имперскими средствами, но уже не империя по своему духу. И значит, мягкий авторитаризм, который был бы так удобен для решения задач, поставленных перед Россией извне, совершенно не подходит для решения тех реальных проблем, которые она с необходимостью будет решать в обозримом будущем. Главная из этих проблем: как сохранить себя, свое историческое и культурное своеобразие – и не потерять свою великую территорию.

Сбережение себя будет гораздо актуальнее для России в XXI веке, чем экспансия в любых формах – не важно, военной, экономической или политической. Создать условия для политики **сбережения**, а затем их соблюдать – куда важнее, чем непосредственно влиять на ход мировых событий, напрямую нас не затрагивающих.

Что же это за условия?

⁴ Недаром в нашем лексиконе появилось выражение «энергетическая сверхдержава»; правда, весной 2007-го на сессии Совета по внешней и оборонной политике министр иностранных дел РФ Сергей Лавров объяснил, что нам эту формулу «подбросили враги», и тем самым как бы отменил ее действие.

Россия – существительное, русский – прилагательное

Сейчас в России живет около 144 миллионов человек. То есть примерно 2,5 процента от мирового населения. Территория страны при этом составляет около 13 процентов от всей мировой суши. Не 1/6, как во времена СССР, но тоже не мало. Гораздо больше, чем мы можем полноценно освоить и заселить. Соотношение численности и «метража» уже сейчас крайне неблагоприятное. Каждый, кто путешествовал по России, знает, что железно и неотменимо действует принцип «то густо, то пусто». Москва перенаселена, европейская часть заселена сравнительно плотно, а дальше – просторы, просторы, где очень красиво, но жить неудобно, бытовые условия неприемлемые, климат ужасный, дороги чудовищные, а трудовых ресурсов не хватает катастрофически.

Нужно еще учесть, что Россия исторически сложилась как страна *одного города*, втягивающего в себя, как воронка, главные людские, финансовые, культурные, научные, политические потоки. До революции этим «городом-воронкой» был Петербург; после 1918 года им стала и до сих пор остается Москва. Здесь давно уже наступила постиндустриальная эпоха, а большинство российских городов живет по индустриальным законам; в некоторых – не завершился еще доиндустриальный период. При этом пассивное большинство на Москву внимания не обращает и активно ее не любит; такой массовой нелюбви основной части страны к своей столице, боюсь, нигде больше не сыскать. Ситуация подобна гипертоническому кризу: мощный прилив крови к голове грозит больному инсультом, а глобальный отлив кров от других жизненно важных органов – анемией и атрофией.

Но впереди нас ждет еще более жесткая реальность. Смертность в России гораздо выше, чем в развитых странах, а рождаемость – гораздо ниже, чем в странах развивающихся. По среднему прогнозу ООН (2002) в середине столетия нас останется 101,5 миллиона. И – риск дальнейшего сокращения. Что из этого следует? Ну, разумеется, что нужно улучшать демографическую ситуацию, всячески поддерживать семью и т. д. – нынешние власти этим всерьез озабочены; это очень хорошо; спасибо Д. А. Медведеву за наше счастливое детство. Конечно, необходимо делать все, чтобы резко сократить смертность, создавая современную медицинскую систему и борясь с тяжелым пьянством. Но никто не в состоянии ответить, в какие сроки эти меры дадут желаемый результат. И осталось ли у нас в запасе историческое время на долгий путь медленных перемен.⁵

Скорее всего, такого времени – нет. Поэтому, не прячась от неприятной правды, нужно признать: Россия XXI века будет трагически выбирать между своей историей – и своей географией. Она либо рискует утратить свою идентичность, а может быть, и территорию, со всеми вытекающими неприятными последствиями для Европы и части Азии – потому что, перефразируя Жискара д'Эстена, Россия слишком большая, чтобы стать маленькой, – либо найдет такие гуманитарные решения, которые позволят ей сохранить свою цивилизационную основу, поменяв массовые идеологические стереотипы.

При 100 и тем более 90 миллионах населения, сконцентрированного в европейской части и неохотно обитающего там, где сосредоточены главные природные ресурсы, в том числе водные, мы не сможем избежать фактической колонизации. Не потому, что какие-то коварные силы за пределами России планируют ее захват. А потому, что свято место пусто не бывает; если один народ не справляется с освоением своей территории, она неизбежно достается другим народам. Уже сейчас деятельные, работоспособные и непьющие китайцы перетекают с Дальнего Востока в Сибирь и берут на себя исполнение самых трудных экономических задач – вплоть до зон рискованного земледелия. А Среднерусскую возвышенность

⁵ Об этом постоянно размышляет выдающийся российский социэтнограф Анатолий Вишневский.

все активнее осваивают выходцы из Средней Азии. Кому-то надо работать на многочисленных стройках, прокладывать дороги, выполнять тяжелые, непрестижные работы. Чем сильнее будет становиться российская экономика, тем больше будет дефицит рабочих рук.

При этом приезжие постепенно выигрывают главный тендер – на русскую женщину. С русской точки зрения у них есть один недостаток: они чужие. Но зато у них множество семейных достоинств: работают от зари до зари, любят детей и, повторяю, не пьют. И русские женщины неизбежно продолжают выходить за них замуж, потому что – а за кого же еще им выходить? От кого детей рожать? От чужих работяг или от своих бездельников? Боюсь, ответ очевиден. Дети от смешанных браков будут ощущать себя скорее китайцами, таджиками, узбеками, азербайджанцами, чем русскими. И мы оказываемся перед жестокой развилкой, как вставал перед роковым выбором герой русской сказки: налево пойдешь – голову сложишь, направо пойдешь – коня потеряешь. Если не ввозить в страну от 800 000 до миллиона мигрантов в год, мы не справимся с решением экономических задач, не сможем освоить свою гигантскую территорию и просто развалимся по причине чудовищной диспропорции между территорией, вытянутой на девять часовых поясов, и недостаточным количеством населения. Если же ввозить – через полвека Россия по своему этническому составу на 2/3 будет не славянской, а по своим культурно-историческим корням – не христианской и не европеизированной страной.

С подобной проблемой так или иначе сталкивается сегодня весь цивилизованный мир, все страны «золотого миллиарда». Но в России она будет обострена до предела. Во-первых, нигде больше проблема миграции не связана, по крайней мере потенциально, с вопросом о тотальной недозаселенности страны и о возможном пересмотре ее границ. Во-вторых, хотя Европа и жалуется на то, что «европоцентричные» семьи рожают куда меньше детей, чем приезжие, но нигде нет такого мощного *двойного* эффекта высокой смертности и низкой рождаемости на фоне все возрастающей миграции, как в России. В-третьих, и в-главных, в результате коммунистической катастрофы XX века и утраты имперского статуса Россия во многом потеряла свою собственную идентичность. Что значит быть сегодня россиянином? Внятного ответа на этот вопрос мы не получим. Что значит быть советским – понятно, что значит быть русским или татариним – более или менее, что значит быть москвичом, уральцем или сибиряком – сравнительно ясно. Но – россиянином?.. Молчание.

При таком положении вещей размывание этнокультурного состава несет в себе невероятно высокие риски полной, окончательной и катастрофически быстрой смены исторической и культурной принадлежности целой страны. Вполне возможна и даже весьма вероятна такая ситуация, при которой не традиционная российская цивилизация станет «плавающим котлом» или местом «мультикультурной» встречи самобытных народов, а ее саму переплавят в нечто совершенно иное. Повторяю: в нечто не европеизированное и не христианизированное. Потому что непонятно: в какое такое культурно-историческое вещество мы собираемся «переплавлять» приезжих? Или на какой собственной почве предложим им «мультикультурно» встретиться? Мы сами – из какого теста слеплены? Какие общенациональные ценности, какой набор простейших представлений о ключевых опорах жизни объединяет россиян поверх региональных, религиозных, национальных, социальных различий? Мы коллективисты или индивидуалисты? Республиканцы или монархисты? Мы за свободу или за жесткий порядок? Мы несем ответственность за Катынь, за пакт Молотова–Риббентропа, за внутренний геноцид собственного народа, осуществленный коммунистами и НКВД с молчаливого согласия большинства? Или мы гордимся государственным величием Сталина и готовы простить ему любые злодеяния только за то, что он превратил СССР в ядерную сверхдержаву? Ни один социологический опрос не даст внятного ответа; после распада СССР прежнее ощущение единой исторической нации распалось, а новое так и не возникло.

Поэтому наравне с задачей экономического роста минимум на 7,5–8 процентов в год (без чего Россия в XXI веке не удержит свои границы по экономическим причинам) мы в ближайшее время должны будем решить задачу *гуманитарного самоопределения*. То есть заново формулировать, кто мы, из каких корней растем, на каких базовых принципах готовы строить свою новую общероссийскую цивилизацию. В известном смысле такой же поиск новой наднациональной идентичности ведет сейчас единая Европа; но мы все же пока находимся на другой, предшествующей, стадии исторического процесса культурного самоопределения. Европа пытается прорисовать свой новый наднациональный образ из разнородной мозаики множества отчетливых национальных опытов; справляется ли она с поставленной задачей – другой вопрос. Но прежде чем заняться тем же самым, Россия должна будет пройти через этап переосознания своих национальных начал.

Иными словами, строительству единой общегражданской нации будет предшествовать неизбежный рост этнического национализма. Он был искусственно приглашен во времена империи, по инерции ослаблен и сейчас, но будет разрастаться тем сильнее, чем отчетливее россияне будут сознавать: империей Россия больше никогда не станет. Причем национальное чувство начнет обостряться не только у малых народов, но и у народа – русского.

Проходя через серьезные испытания 90-х, психологически травмированный чувством утраты империи и процессом полной смены экономических формаций, на протяжении долгих лет он осторожно определял свою национальную идентичность – через идентичность религиозную. Больше 70 процентов респондентов из опроса в опрос называли православие своей религией, хотя в церковь регулярно ходило и ходит не более 5 процентов населения. Это значило, что слово «православие» в ответах на опросы заменяло собою другие слова: «этнос», «народ». Я русский, следовательно, я православный. Я православный, следовательно, я русский.

Сегодня от этого «бокового» самоопределения русский этнос переходит к прямому осознанию собственной уникальности. Отчасти компенсируя этим национальным чувством последствия исторического травматизма 1980–1990-х. Первые намеки на то, что национальное, этническое чувство у русских пробуждается, уже ощутимы. Об этих умонастроениях говорят публицисты, этнологи, этнографы; с ними начинают вести осторожную игру политики. Наспех сколоченная Кремлем, организационно оформленная за три месяца до выборов 2004 года умеренно-националистическая «Родина» с ходу преодолела процентный барьер и попала в Государственную думу; администрация президента почувствовала, что выпускает джинна из бутылки, и фактически разгромила свое собственное детище на корню.

В гораздо более аккуратной и окультуренной форме, но зато постоянно к национальному русскому чувству апеллирует в последнее время Путин, явно претендующий на роль неформального лидера формирующейся нации. Весной 2007 года, произнося речь на торжественной литургии в честь объединения двух ветвей отечественного православия, он несколько раз употребил формулу «русский мир». Именно так, «Русский мир», будет называться сеть культурных представительств России за рубежом, по образцу немецкого института имени Гете или испанского института имени Сервантеса. И это, повторяю, лишь первые симптомы; дальше они будут только усиливаться.

Как относиться к этому? Я бы сказал – во-первых, как к неизбежности. Во-вторых, как к очень серьезной опасности и страшному риску. В-третьих, как к неожиданному шансу пройти через болезнь и кризис – и обрести здоровое чувство гражданской нации, которую связывает система общих ценностей и причастность единой исторической судьбе. Этническая принадлежность будет вторична, гражданская – первична. Через культурно-этнический национализм – к новому гражданскому патриотизму, который не противоречит стремлению стать частью глобального мира, – вот формула предстоящего нам сложного и неоднозначного пути.

В чем опасность национализма, особенно когда он захватывает большие народы, заранее понятно. Россия – страна многонациональная и многоконфессиональная; российский ислам, в отличие от ислама европейского, – явление не новое, а веками укорененное в государственной русской традиции, и русский национализм с его обязательной православной окраской вызовет болезненную реакцию других национализмов: татарского, башкирского, ингушского и т. д.; внутреннее политическое напряжение в результате может резко возрасти. Беда еще и в том, что сравнительно массовый национализм численно доминирующего этноса запросто может толкнуть элиты навстречу к одержимому фашизму. При малейшем неблагополучии в экономике, при первом же заметном провале в политике умеренный этнический национализм, как джинн, выпущенный из бутылки, может приобрести угрожающие, насильственные формы.

И в то же самое время на первом этапе формирования исторической нации именно национализм обостряет чувство принадлежности к единому народу, единому языку, к упованию на единую историю. Он окончательно отменяет имперскую идентичность, готовит психологическую почву для массового понимания, что есть свои национальные чувства и у других народов. И что причастность общей земле, общей истории предполагает наличие ценностного единства страны поверх этнических различий. Если с обостренным национальным чувством грамотно работать, не эксплуатировать его в ближайших политических целях, а локализовать и медленно перенаправлять в другое русло, оно может преобразоваться из опасного вируса в культурную прививку от шовинизма, в необходимый лечебный штамм.

Точечный авторитаризм

Заранее нельзя сказать, какое из двух неразделимых начал национализма возьмет верх в России XXI века; случится ли фашизация массового сознания, а соответственно, и политики, или произойдет наднациональное соединение большинства ради повторного обретения родины – на новых основаниях. Это зависит от силы исторической инерции, от кропотливой и ответственной работы интеллектуалов, но также это зависит от напряженной работы правящей элиты. Куда она повернет – и сможет ли, захочет ли предпочесть легкой дорожке, эксплуатации оскорбленного чувства национального достоинства – тяжелый и опасный путь постепенного обретения гражданской нации?

В любом случае миновать этот этап рискованного развития нам уже не удастся. Так что, повторяю еще и еще раз, вопрос сейчас заключается не в том, будет выплескиваться наружу русское национальное чувство или нет, а в том, в каких формах это будет происходить, как минимизировать риски и по возможности гармонизировать общественную ситуацию. А также в том, сумеем ли мы сохранить верность главной, ключевой цели: постепенному переходу от торжествующего чувства национальной принадлежности к торжествующему чувству общегражданской солидарности.

Иными словами, как заметил как-то Александр Аузан, за что, на пару со мной, заслужил от Валерия Панюшкина аттестат пособника националистов, нам предстоит стать русскими не в том смысле, в каком русскими называли себя черносотенцы, а в том смысле, в каком все мы оказываемся русскими, как только попадаем за рубеж. Всякий, кто приехал из России и говорит здесь по-русски, – русский. Будь он татарин, еврей, удмурт или бурят. Никого это не задает и не обижает, потому что общий смысл термина понятен – и в принципе устраивает всех. Если в России все будет складываться благополучно, то через полвека именно этот смысл восторжествует над узкоэтническим толкованием и слово «русский» станет прилагательным, не перестав быть существительным. Если же все будет складываться неблагоприятно – мало кому не покажется.

Так что самые серьезные и по-настоящему судьбоносные проблемы российского будущего решаются сейчас не там, куда обращены взгляды прагматичных наблюдателей. По крайней мере, не только там. Не в экономике как таковой. А вновь, как это было в начале XX столетия, они решаются в сфере культуры. В области массовых представлений о мире, человеке, стране, нации. Успеет ли мы мирно преобразовать постимперскую культуру – в культуру одновременно локальную, национально окрашенную, и глобальную, открытую? Или опять упустим исторический шанс и нас окончательно снесет на обочину мировой истории, откуда можно, конечно, отстреливаться ракетами типа «Буран» и где можно защищаться новыми вакуумными бомбами, но откуда нет пути вперед, в будущее?

Если мы успеем, а я надеюсь на это, и будут сформированы – с учетом имперской традиции – общенациональные, общегражданские ценности новой исторической нации, то и задача адаптации мигрантов к условиям и принципам российской цивилизации станет в принципе решаемой. И тогда можно будет поручить главному, самому мощному и самому успешному «плавильному котлу», средней общеобразовательной школе, работу по формированию российского и русского (в том особом значении слова, которое было оговорено выше) сознания у детей мигрантов и детей из смешанных семей. Нам будет все равно, какая кровь течет в жилах приезжих; родство по языку, по общности исторической судьбы, по принадлежности к русской – российской – культуре будет необходимым и достаточным условием вхождения в тот самый «русский мир».

Только на этом пути мы сможем сохранить свою обширную территорию и продолжить мирное экономическое развитие. Гарантировать сопредельным странам территориальный

покой и сырьевой порядок. Нагрузка и ответственность, которая ложится на культуру, просвещение, на все общественные институты, связанные с информацией, возрастает сейчас многократно. Но сами по себе культура и просвещение с той задачей, которая поставлена историей, не справятся.

И тут приходится вернуться к самому началу. К тому, что все уже смирились с мыслью о том, что в России XXI века будет господствовать мягкий авторитаризм. Или даже тайно желают этого. Поскольку полагают, что именно авторитарный режим наиболее подходит для этой безответственной, необузданной и рискованной страны. В отличие от русской демократии, которая непредсказуема и чересчур вольна. И от русского тоталитаризма, который чересчур воинственен. Так вот, должен со всей ответственностью сказать, что задача создания единой общегражданской нации, закономерными представителями которой станут все, кто согласен работать на благо России, в условиях авторитаризма неразрешима. Потому что в отличие от демократии, даже самой умеренной, он не предполагает честной, открытой общественной дискуссии. А без такой дискуссии поиск общих ценностных оснований *снизу*, со стороны общества, неосуществим. В отличие же от тоталитаризма он не имеет механизмов всеобщего контроля за идеологией и не может насаждать общенациональные ценности сверху. Как это до поры до времени делала советская власть. Пока не одряхлела и не помягчела до умеренно-авторитарного состояния. При умеренном авторитаризме задача формирования общегражданской нации решена не будет, а значит, либо будет потеряна территория, либо будет заменена цивилизационная основа культурной традиции. Такой роскоши мы себе позволить не можем. Так что во внутренней политике выбирать мы будем не между авторитарностью и чем-то иным, а между полной демократией и системной тоталитарностью. Между полноценной русской свободой и полномасштабной русской тиранией.

Второй вариант предполагает самопоглощенное отделение власти от общества, опору на тотальные спецслужбы, обострение отношений с миром, вплоть до череды малых войн. Первый невозможен без открытости себе и миру, без вовлечения общества в обустройство новой российской жизни и без ответственной свободы, медленно, спокойно, но неуклонно нарастающей; той самой свободы, что за последние четыре года сжалась в России уже как шагреновая кожа. На исходе второго пути мы получим то же, что получали военные режимы в Латинской Америке, когда исчерпывали сами себя: либо переворот, либо мирную передачу власти дееспособным политикам, которые опять начнут строительство страны с нуля. В итоге первого пути – спокойное самосознание общероссийского народа о нашем единстве поверх национальных расхождений.

Мы опять на рубеже – и в промежутке. Как уже застывали на рубеже XIX—XX столетий. Россия не империя и никогда империей не будет; она еще не федерация, и не понятно, станет ли федерацией впоследствии. Она перестала быть страной атеистической и не стала вновь страной православной, тем более – исламской. В точно таком же промежуточном состоянии находится российская экономика. В 90-е годы произошла великая приватизация доходов; государство, окончательно обанкротившееся, раздавало природные и промышленные ресурсы тем, кто способен был ими эффективно управлять. А неисполнимые социальные обязательства оставляло себе. В начале нулевых годов произошла приватизация расходов; государство перекладывает все долговые нагрузки на плечи гражданина, а себе забирает отлаженные, возрожденные крупным бизнесом производства. Практически все крупные корпорации так или иначе, прямо или косвенно возвращаются под контроль государства; государственно-частное партнерство становится основной формой существования бизнеса в России.

То же самое можно сказать и о демократических институтах; они есть – и их нет, потому что в большинстве случаев действуют совершенно формально. Но в то же время никто не скажет по совести, что в России нет никакой свободы. Влиять на политику вла-

сти почти невозможно, но каждый имеет право свободно высказывать свое мнение, по крайней мере в Интернете; никто не вторгается в личную жизнь гражданина, никто пока не требует демонстрировать внешнюю покорность власти и ее партийным опорам. Я бы определил сегодняшний режим в России как **точечный авторитаризм**. Выбраны три ключевые точки, над которыми установлен контроль: медиа, крупный бизнес, политические институты. Все остальные сферы жизни не контролирует никто. И не собирается контролировать в будущем. Есть рычаги несвободы в свободном пространстве; таков парадокс эпохи, которую мы переживаем.

И это же напрямую относится к вопросу о свободе слова в России. Тот, кто говорит, что со свободой слова в России полный порядок, беззастенчиво врет; тот, кто утверждает, что в России нет свободы слова, тоже говорит неправду. *Доступ к свободе слова в современной России полностью открыт для тех, кто заинтересован в свободе слова. И полностью закрыт для тех, кто в ней не заинтересован.* Каждый желающий, по крайней мере в крупных городах, может зайти в Интернет, на российский или западный сайт, найти любую общедоступную информацию. Можно повесить спутниковую тарелку и смотреть новостные программы всех главных западных каналов. В России, причем по-русски, вещает канал «Euro News». Но если человек не владеет Интернетом и не имеет самых скромных денег для того, чтобы повесить спутниковую тарелку, а главное, у него нет жизненного интереса в получении информации из независимых источников, то он обречен потреблять политическую жвачку.

В сфере медийной ситуация похожа на ту, что сложилась в сфере политической; мы ни империя ни федерация, ни тирания ни демократия. Но так слишком долго продолжаться не может. И определяться в ближайшие годы все равно придется. Либо – либо. Либо строить отлаженную тоталитарную машину и запускать ее на полную мощь. Либо постепенно демонтировать жесткую вертикальную конструкцию и отказываться от манипулятивных технологий.

На очередной развилке

Понятно, что силовая часть правящей российской элиты – точнее, какая-то часть от этой ее части, потому что и среди силовиков есть люди с разными позициями, – попытается развернуть страну в сталинскую сторону. Потому что наблюдает массовое политическое равнодушие сегодняшнего российского общества, его сонное состояние, готовность следовать насмешливому пушкинскому правилу: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад». И надеется, что такое положение вещей может сохраняться долго. Но также понятно и другое. В нынешней элите гораздо больше группировок, сознающих предельную опасность такого пути. Не только для страны в целом, но и для себя в частности. Что в политике иной раз бывает гораздо важнее.

Включать механизм внутреннего террора – значит рано или поздно самому оказаться на плахе. Да и дорогое это удовольствие – заново создавать такой механизм. Так что, скорее всего, они закладываются на другой вариант. Что в течение обозримого исторического времени, оно же один-два президентских срока, удастся до конца прибрать все самые сладкие куски – переведа их под контроль государства. Потому что государство они сами контролируют. А после того, как через безразмерные счета сочинской олимпиады будут проведены и тем самым легализованы триллионы, к 20-м годам XXI века выкупить этот крупный бизнес – у себя же самих. За честную цену. Без каких-либо сомнительных залоговых аукционов. После чего начать тихое разгосударствление. Неуклонную федерализацию, развитие местного самоуправления. Взывая к гражданским чувствам свободолюбивой исторической нации, как сейчас взывают к национальным чувствам послушного большинства. Не потому, что полюбят свободу. Но потому, что так будет проще сохранить приобретенное. Чтобы никто и никогда не смог у них отобрать то, что они отобрали у поколения российских олигархов. И чтобы трижды руганный Запад признал их в новом качестве как равных экономических партнеров.

Тем более что развитие цифровых технологий к 2015-му, максимум 2017 году, лишит их возможности управлять информационными потоками – сегодняшними методами; произойдет рассредоточение каналов телевизионного влияния на массовое сознание, пропаганда расфокусируется; прежними средствами удерживать электорат в зоне бездействия долго не получится.

В этот момент их интересы могут неожиданно встретиться с идеалами активного меньшинства российского общества, давно уже жаждущего перемен и требующего демократии. Да, именно интересы. Но мы ведь не вершим страшный суд и не выносим приговор: по каким мотивам вы содействовали выходу истории из тупика? Мы лишь смотрим с высоты птичьего полета на процессы, протекающие здесь и сейчас, и пробуем понять, чем они обернутся в будущем, как скажутся на решении объективно стоящих задач внутреннего развития России.

Другой вопрос – а имеется ли историческое время на такие долгосрочные проекты? Можно ли удерживать систему в режиме ручного управления в течение восьми–десяти лет, если она с трудом удержалась от самораспада на переходе от одной подконтрольной Думы к другой, еще более подконтрольной? Ответа нет.

Как бы то ни было, мягкий авторитаризм в России долго не продержится. Что дальше? Очень скоро увидим. Новый тоталитаризм добьет страну. Но и еще одного революционного потрясения она не выдержит. Ведь нет никаких шансов на то, что у нас случится мирная оранжевая революция. Если что и стрясется (в случае обвала экономики и перерождения мирного национализма в агрессивный массовый шовинизм), так это будет не управляемая революция, а стихийный бунт. Против такой перспективы в России будут готовы объеди-

ниться даже заклятые враги, настолько она кошмарна. И случись она, все положения этого эссе потеряют актуальность сами собой. Кроме положения о последствиях самораспада.

Не дай бог; постараемся сделать все от нас зависящее, чтобы эта перспектива оставалась не более чем мрачной антиутопией, которой мы сейчас оттенили светлую утопию сильной, самобытной, граждански полноценной и неразрывно связанной с Европой (хотя формально в ее политические институты не интегрированной) России XXI века.

Часть вторая Летопись мутного времени

2006

Упреждающая пародия

На неделе между 24 и 30 апреля. – Исполнилось 100 лет Российской Государственной думе. – 30 лет Хельсинкскому комитету, который требовал от советской власти соблюдать ее Конституцию. – А в Минске готовились к инаугурации Лукашенко на очередной срок.

В преддверии запоздавшей инаугурации т. Лукашенки мировая телесеть (прежде всего – BBC, CNN) сменила гнев на юмор. До выборов, во время и сразу после них наш отможенный сосед подавался в образе самостийного тирана; что-то среднее между Гитлером и Милошевичем. Он исхищал народную свободу, тайно уничтожал политических противников, явно угрожал цивилизованному миру, был *самовластным злодеем*. Посмотрев череду сюжетов и выслушав множество дискуссий, зритель должен был испугаться; на самом краю Европы, но все-таки в ее свободолюбивых пределах учредился самый настоящий тоталитаризм. Теперь зрителю предложено было ухмыльнуться.

Он видел перед собой не настоящего фюрера, а маниакального провинциала, ряженого главкома, который командует раскрашенными солдатыками и не понимает всей смехотворности своих потуг на региональное лидерство. Характерна картинка, которой завершался один из репортажей: за колючей проволокой – частокол плохо оструганных жердей, изображающих белорусские зенитные ракеты. Уж не знаю, где корреспондент нашел такую маскировочную площадку, но редакционной премии он точно заслуживает. Запоминающийся образ вброшен в массовое сознание; он ярк и нагляден, а потому задаст необходимый код восприятия происходящего в Белоруссии. Клоун. Марионетка. Заводная кукла.

Но если Лукашенко и кукольный персонаж, то это вовсе не Петрушка из народного театра, не Щелкунчик и даже не стойкий оловянный солдатик. Это скорее сам Карабас-Барабас. Который написал, поставил и теперь показывает миру площадную комедию под названием «Не успела Россия подумать, как я уже сделал».

Сюжет постановки на удивление прост, но необычайно эффектен.

Россия озаботилась тем, как бы слегка поджухать размеры беспредельной свободы, восстановить в карательных правах чересчур уступчивое государство. Тут на сцену выбегает Белоруссия, радостно машет весенним платочком, сильным голосом переодетого Лукашенки кричит: «Ау, ау, поглядите на меня, я успела раньше вас! У меня и Шушкевич в нетях, и Позняк в Америке, она же Израиль, и КГБ с польской интервенцией борется».

Россия брезгливо морщится: «Да ведь ты все опошילה, подруга Беларусь! Мы хотели цивилизованно, слегка подреставрировать прошлое, а ты с маху нырнула в прежнее болото, вся извазюкалась, по пути кой-кого утопила, от Гончара до Завадского; как нам теперь об упорядочении государства заикаться? Ты же нас спародировала до того, как мы к делу приступили!»

А Беларусь ей отвечает: «Ха-ха, а я нарочно, я нарочно! Ты, подружка, кой-кого из сильных мира обкладываешь данью, но по отдельности, штучно, а я всех олигархов в бараний рог

согнула, так что дань несут, унижаются и вслух не ропщут! Ты несколько лет не решалась заговорить про шпиёнский камень, а я все западные разведки разом разоблачила в их вражьем логове: каждый, кто встречается с западными корреспондентами и дипломатами, под подозрением! Общественные организации, вот они, гляди, совсем ручные, я их по шерстке глажу, за ушком чешу, а непонятливые все отчего-то перемерли. Или вот еще какая штука. Ты пока застенчиво рассуждаешь о том, что не было Катюши и пакт Молотова–Риббентропа был техническим оформлением мюнхенского сговора, а я для Гитлера добрые слова нахожу!»

Россия совсем огорчается: «Тьфу на тебя! Я же хочу без чрезмерности, без перебора. А ты заранее дискредитируешь все мои аккуратные действия!»

Так оно и есть. Лукашенковская политическая система – упреждающая пародия на формирующуюся у нас систему управления. Упреждающая и опошляющая. Все, что в России сохраняет хотя бы видимость благопристойности, в братской республике давно уже спущено с тормозов. Наш авторитаризм – покамест штучный, бутиковый. Белорусский – сетевой, индустриальный, народный, площадной. И всегда на шаг, на два шага впереди. Очень неудобное соседство. Особенно если учесть, что это какая-то странная пародия. Которая не только выглядит глупо, но и делает свое дело – лихо. В известном смысле (если отвлечься от политических симпатий и антипатий), изнутри своей собственной логики и с точки зрения своих собственных целей, добивается больше, чем пародируемый оригинал. Потому что берет у России все, а ухитряется не отдавать ей ничего. Ходит в ранге ближайшего союзника, а экономически и политически отрабатывает меньше, чем оппонирующие нам элиты «оранжевой» Украины. Газ покупает практически по внутрироссийской цене, а «Белтрансгаз» передает только в форме туманных обещаний на неопределенное будущее. И при этом в лице своего главного постановщика, главного драматурга и исполнителя главной роли еще и глумится.

Геи и славяне

На неделе между 1 и 7 мая. – Потерпел катастрофу и упал в Черное море армянский самолет, направлявшийся в Сочи. – В Москве православные хоругвеносцы готовились громить геев с лесбиянками, которые решили пройти парадом любви вокруг Кремля. – Шли дискуссии о возможности допускать священников в военные части. – В Кораллово (Подмосковье) пришли арестовывать имущество лица, который финансировала семья Ходорковских.

Не успели притихнуть – на время – споры, изучать ли православную культуру в средней школе, как разразилась новая дискуссия: допускать ли священников разных конфессий в российскую армию. Одни бьют себя в грудь: нет клерикализации вооруженных сил, мы живем в светском государстве, см. Конституцию. Другие им резонно возражают: какие же это вооруженные силы вам, родные? вы же постоянно говорите о моральном распаде армии, о ее деградации, а как только предпринимается попытка поправить дело, восстановить религиозные добродетели в казарменных пределах, так вы подымаетесь на дыбы. Третьи – еще более резонно – спорят и с первыми, и со вторыми. Первым отвечают их же словами: перед законом все равны, и почему вы лишаете верующих права на религиозную жизнь в пределах гарнизона? Вторым напоминают: церковь не подразделение Генштаба, в задачи священника не входит обеспечивать моральный климат бригады, полка, роты; она может и должна работать с человеческой личностью, заниматься ее неповторимой душой, а порядок наводить, в том числе нравственный, это дело отца-командира. Четвертые скептически замечают: может быть, оно и хорошо, чтоб вера нашла себе путь через КПП, но в наших условиях все это

превратится в очередную идеологическую муштру, конфессиональную обязаловку. То есть в собственную противоположность...

Между тем вопрос поставлен в принципе неверно. Как в свое время со школой. Конституция про батюшек нам ничего не говорит. Как не говорит про лам, мулл и раввинов. Она говорит лишь о равенстве перед законом. Атеистов и деистов, агностиков и богоборцев. Из чего непреложно следует одно: общество должно найти такие формы религиозной (и вне-религиозной) жизни в смешанных средах, которые это равенство гарантируют. И не задевают личных интересов тех, кто ни во что не верит. Найти – и выбрать то, что наиболее подходит данному обществу на данном этапе развития.

Что касается школы, то нам необходимо выбрать: либо мы признаем параллельное существование светских, конфессионально ориентированных и национально-религиозных заведений, в пределах которых мусульмане обособлены от атеистов, атеисты от православных, православные от иудеев, те от католиков и протестантов, буддистов и кришнаитов (и в результате получаем еще большее расслоение страны); либо разрешаем *факультативное* изучение Закона Божьего, Торы, Корана и других священных книг в школе, по заявлению родителей, отвечающих за религиозное воспитание детей вплоть до достижения теми совершеннолетия. Дети из атеистических семей в это время могут углубленно изучать уроки светской этики. Зато в основное учебное время все эти дети перемешиваются в классе, общаются, радуются, враждуют – то есть живут нормальной жизнью единой исторической нации, взаимоопыляясь и разговаривая на одном гражданском языке.

Применительно к армии – решение аналогично. Либо мы формируем особые отряды для единоверцев: православных, мусульманских, а если наберутся, то иудейских, буддийских, иных. Добровольное формирование, по заявлению. Но, опять же, с неизбежным обособлением от сверстников. Либо – что лучше по описанным выше причинам – сохраняем смешанный принцип. И беспрепятственно, по расписанию, осуществляем допуск в военные части священнослужителей. По личным просьбам верующих срочной службы. Потому что, повторяю, в светском современном государстве вера – дело личное; церковь (синагога, мечеть, дацан) не могут заниматься армией, но могут и должны – отдельной душой. В конце концов, Бог не творил армию, не создавал школу; Он творил Адама и создавал Еву.

Если же кто-то смотрит на вещи иначе и убежден, что дело церкви окормлять институции, воздействовать не на общество, которое составлено из самостоятельно мыслящих и добровольно делающих выбор людей, а на государство со всем его аппаратом насилия – что ж. Тогда надо бороться не за вхождение в отдельно взятую казарму и конкретную школу. Тогда надо бороться за смену существующего строя. Не методами православного восстания или ваххабитского джихада, а законным способом гражданского убеждения. Готовьте нацию к очередной смене вектора исторического развития, объясняйте, как хороша православная монархия, она же шариатское государство, она же любовичская община, она же буддийская республика, и как здорово будет жить в этом государственном устройстве иноверцам. И заранее будьте готовы к тому, что ваши оппоненты столь же страстно, открыто, с гарантированным выходом в эфир, будут уговаривать людей отречься от всякой веры во имя счастья, свободы и святого прогресса. Если уговорите, уведете за собой конституционное большинство – тогда проводите референдум, меняйте конституцию, принимайте полную ответственность за настоящее и будущее. Но, опять же, не обижайтесь, если оппоненты будут агитировать талантливей. И вместо религиозной индифферентности вы получите преследование веры. Будьте последовательны.

Пока такой готовности что-то не видно. Зато видна готовность провоцировать общество, расшатывать основы общенациональной жизни ради абстрактных убеждений. А может, и не только ради них. Чему свидетелями мы становимся сплошь и рядом. И когда молодой полубезумец режет синагогальных евреев. И когда темнотица банда на окраине

столицы избивает человека, который на вопрос о том, кто он, с вызовом отвечает: «Русский, православный!» И когда нацисты в Воронеже и Питере одного за другим избивают и убивают иностранцев-инородцев. И когда организаторы всемирного похода геев и лесбиянок во что бы то ни стало хотят порадовать консервативную, но достаточно терпимую Москву своим игривым шествием вдоль Кремля и требованием уравнивать *гомофобию* с антисемитизмом и фашизмом. Как будто быть семитом – это отклонение от биологической нормы... То, что вытворяли с геями православные погромщики под руководством отца Фролова, еще хуже, еще провокативней, чем то, что собирались устроить у Кремля нетерпеливые секс-меньшинства. Но и те, и другие занимаются, по существу, одним и тем же. Расшатыванием внутринационального мира, нагнетанием агрессии.

Впрочем, разве только они? Разве приговор юристу «ЮКОСа» Светлане Бахминой и решение обобщить лиц в Кораллово, опекаемый семейством Ходорковских, – это не провокация, не уничтожение внутринационального мира? Можно было как угодно относиться к самому МБХ и занимать чью угодно сторону в его конфликте с властью, но невозможно спокойно смотреть на то, как его отсидка превращается в подобие пытки. Как ломают судьбы женщин, причем молодых матерей. Не смущаются уже и слезинкой ребенка. И при этом искренне верят, будто главная причина саморазложения армии заключена в том, что священники не вхожи в штаб полка. Врачу, исцелился сам.

Поздно пить «Боржоми»

На неделе между 8 и 14 мая. – Президент произнес Послание. Заявлено, что оно будет предпоследним. Но все заговорили о предвыборных тезисах-2008 и свели смысл речи к двум призывам: плодитесь и вооружайтесь! – Тем временем главный санитарный врач Геннадий Онищенко призвал избавить россиян от пьяного угара.

Мы не первые, кто живет на этом белом свете, участвует в истории, наблюдает за ней; есть надежда, что и не последние. И когда накладываешь «сетку» памятных дат прошедшей недели на сиюминутные события, которые обсуждали страна и мир, картинка вдруг оживает, наполняется объемом. Случайное соотнесение давнего с нынешним высекает искру дополнительного современного смысла.

Что поминали исторические сайты 10 мая с. г.? Слова Столыпина перед Госдумой, произнесенные в 1907 году: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Чему внимала 10 мая правящая элита страны? Словам своего Президента, который в Послании Федеральному собранию сказал примерно то же самое. Только про великие потрясения в кремлевском зале говорить было некому; столыпинская мысль в путинской редакции была переадресована Западу.

При этом впервые в тексте послания слово «демократия» практически было выведено из употребления (два раза против двадцати трех в прошлом году), а слово «армия» прозвучало едва ли впервые – и целых 17 раз. Среди путинских идей, озвученных 10 мая, были такие, под которыми хочется подписаться и трижды прокричать «одобрямс!»; прежде всего – подкрепленный материальным стимулом призыв к усыновлению сирот и готовность обещать второго ребенка в семье непропиваемым капиталом в 250 000 конвертируемых рублей. Но в целом не покидало чувство, что отныне демократия будет побоку, а главная цель Российской Демографической Республики – строительство сверхдержавы, способной вести одновременную войну на глобальном, региональном и сразу нескольких локальных уровнях. Как будто на дворе было не 10 мая 2006, а 11 мая 1881-го, когда новый государь Александр III, любимец нашего Генштаба, герой михалковских исторических мечтаний, издал указ об охране самодержавия и его устоев.

Странно, что послание не завершилось еще одним столыпинским призывом: дайте нам двадцать спокойных лет! Или хотя бы десять. Даже про третий срок напрямую ничего не было сказано, только косвенный намек – через цитату из четырехкратного американского президента Франклина Рузвельта; тем не менее стало окончательно ясно: без этого самого третьего срока непонятно, как обойтись; провозглашена долгосрочная стратегия строительства успешного авторитарного государства с мобильной армией, энергетической экономикой, счастливыми семьями и относительной личной свободой. И воплощать эту стратегию в жизнь, по существу, некому. Кроме главного и единственного лидера. Который не раз публично заявлял, что на третий срок идти не хочет, – и, что самое интересное, говорил правду.

Как мы будем выходить из этого противоречия – увидим, но вот что характерно. Политика строительства сверхдержавы допускает самые разные идеологические повороты, от сверхлиберальных до сверхконсервативных, она может вести к взаимоисключающим последствиям, от ядерного сдерживания до Карибского кризиса; единственное, чего она не допускает, это мелочности. Сверхдержава дальноразведка и толстокожа, она плохо видит маленьких гордых соседей и совсем не различает оттенки. А на протяжении всех минувших недель мы внимали санитару Онищенко, который, пряча глаза, говорил о мириадах бактерий в грузинских винах и воде «Боржоми» – чего никак не могли предполагать ни великий князь Михаил, некогда выстроивший себе боржомскую дачу, ни сам товарищ Сталин, который ввел «Боржоми» в моду.

Между тем в воде «Нарзан», которую теперь будут фальсифицировать те же самые жулики, которые гнали поддельный «Боржоми», ничего подобного не обнаружилось. Ничего дурного не замечено и в винах дружественных нам стран; зараза почему-то системно проявлялась в тех продуктах, которые поражены бактерией оранжевой революции... Чем всемирнее оказались новые задачи, поставленные перед главной энергетической державой мира, тем пародийнее, провинциальнее и мелочнее были упреждающие удары.

Между тем полезно будет напомнить, что 11 мая вошло в историю не только как день, в который Александр III подписал указ об охране самодержавия, но и как день, в который родился Карл фон Мюнхгаузен, прототип знаменитого барона. Случилось это в 1720 году, а помнится до сих пор, как будто было только вчера.

Сахаров

На неделе между 15 и 21 мая. – Юбилей великого человека.

18 мая – 85 лет Андрею Дмитриевичу Сахарову. Не так много. Но это символический рубеж, который должен окончательно отделить образ Академика от нашей быстротекущей современности и сделать его фактом большой истории. Мира в целом, России в частности. Это не понравится тем, кто освистывал и затопывал Сахарова на Первом съезде народных депутатов, подписывал подметные письма против него. Это вызовет раздражение тех, кто официальным порядком объявляет катынский расстрел выдумкой, Андропова считает национальным героем, а Брежнева ласковым старцем. Но и части ближайшего диссидентского окружения будет весьма непросто осознать, что Сахаров стал теперь историческим персонажем: как же так, мы на кухне с ним сидели, ели на завтрак разогретую свеклу, говорили о важном и неважном. Ну, великий, ну, легендарный, ну, огромную роль сыграл. Но чтобы его – на вершину Олимпа, а нас – к подножью, это уж дудки. На худой конец канонизируйте нас вместе с ним. Так после канонизации новомучеников их приятели, знакомые и полужнакомые подчас восклицали: да какой он святой, я с ним кофе пил! Конечно, пил, кто спорит? Но от вашего совместного кофе следа не осталось, а его святость – вот она, сияет.

Нецерковный Сахаров входит в пространство большой истории в ореоле светской святости: личного бессребреничества, научной самоотверженности, общественной жертвенности, не без некоторой доли политического юродства. Такой вот демократический старец. О святых (в том числе светских, в том числе нецерковных) принято рассказывать не в жанре биографии, а в жанре жития. Житие целенаправленно подводит читателя и слушателя к ответу на вопрос: чему же мы должны поучиться на этом примере, дорогие братья и сестры? И действительно, чему?

Не только тому, как легко, непринужденно, даже простодушно умел этот человек нести бремя собственного величия. Говорят, что среди гениально одаренных физиков были и есть фигуры крупнее, чем он; сам Сахаров писал, что стать по-настоящему великим ученым ему помешала работа на «объекте». Но не мог же он не ощущать свой личностный масштаб и не понимать, какова его роль в историческом процессе? А жил так, что любой встречный ощущал в нем равного.

Не только тому, как естественно и спокойно встречал он любой вызов судьбы. И когда судьба благоволила, и когда гнала. Считается, что советские почести, трехкратное награждение Золотой Звездой, бесчисленные премии и ордена, а главное – допуски к военным тайнам прикрывали его, давали некую защиту от чрезмерных гонений. Наверное, прикрывали. До поры до времени. Но мало кто учитывает, что добровольно спускаться с вершин, отказываться от испытанного уже соблазна приближенности к власти куда тяжелее, чем заранее отказаться от подъема. Между тем и друзья Сахарова, и его враги единодушно признают: навстречу правде, как он ее понимал, Сахаров шел безоглядно. Привходящие обстоятельства, благополучные и чудовищные, в расчет не принимал.

Чему еще поучиться? Тому, как совесть, нравственность, чувство свободы становились главными мотивами жизни, руководили ей, служили компасом. Сегодня не то что жить по этим правилам, но даже произносить вслух подобные слова – совесть, нравственность, чувство свободы – как-то неловко. Засмеют. Однако и тогда – смеялись. А с него как с гуся вода.

Самое же существенное, самое важное и самое радостное заключено вот в чем. На примере Андрея Сахарова, дорогие братья и сестры, мы видим, что при любых исторических обстоятельствах можно остаться самим собой, прожить свою собственную жизнь, в соответствии с личной стратегией. Окружающий мир предлагал Сахарову набор хомутов, в которые он мог впрячься и жить припеваючи: склонить голову перед величием державы, перед неизбежностью армии и КГБ, всесильной властью обаятельно-ничтожного вождя, непобедимостью партии. Он все эти хомуты опробовал, не одобрил и сказал: спасибо, не хочу. И подчинился собственной задаче жизнестроительства. В итоге всеисилие вождя улетучилось, партия рухнула (и он успел поучаствовать в отмене 6-й статьи Конституции); правда, КГБ остался.

Светская святость не может быть сияющей, она не подсвечена изнутри огнем безусловной веры. Но зато она может быть – славной, честной, радостной, спокойной, человеческой. Все эти черты мы находим в Сахарове. Его облику, увы, не поучишься, но зато можно им полюбоваться. Но поскольку житие демократического старца должно быть чуть критично, в отличие от церковных житий, мы вправе задать еще один вопрос: а чему, дорогие братья и сестры, мы учиться не должны?

Полагаю, что не должны учиться самодержавному самостоянию. Это не только к Сахарову относится, но и почти ко всем великим советским диссидентам. Они героически бросали вызов окружающей среде, демонстрировали городу и миру, что личность сильнее системы, теленок – дуба. Это правда, сильнее. Однако после того, как обессиленная система распадается, нация, политика, обиденная жизнь нуждаются в появлении другой системы. Более жизнеспособной, человеколюбивой, свободной, открытой, но – цельной. В Польше была система: «Солидарность» как общественно-политическая сила, католическая

церковь как источник и школа некоммунистических ценностей. В СССР такой системы не было. С четко сформулированными экономическими и политическими целями, протопартийными структурами, пакетами законов, которые следует принять *вместо* отменяемых. Скучная работа. Пыльная. А без нее, как оказалось, никуда.

Напоследок можно напомнить старый анекдот, который в светском житии вполне заменяет собой религиозную притчу. Советский человек открывает в 2000 году энциклопедию. Ищет статью «Брежнев». С трудом находит. Мелким шрифтом тут набрано: «Брежнев Леонид Ильич. Мелкий политический деятель эпохи Сахарова и Солженицына». В 70-е рассказывали – казалось смешно, потому что невероятно. В конце 80-х вспоминали – опять смешно, потому что все подтвердилось. Сейчас цитируем – грустно. Брежнев – национальный телегерой, Сахаров на обочине общественного интереса, а мы-то сами – где?

Поздний реабилитанс

На неделе между 22 и 28 мая. – Госдума приняла ряд законопроектов, исключающих возможность упоминания иностранной валюты в официальном обиходе. – Генпрокуратура отказала в реабилитации покойного царя Николая II и членов его убиенной семьи.

Еще один советский анекдот. Защищается диссертация на тему «Периодизация искусства». Диссертант предлагает выделить всего два периода: ранний сюсюреализм и поздний реабилитанс.

Описав круг, мы возвращаемся в точку, из которой когда-то вышли. До сюсюреализма дело пока не дошло (хотя школьникам уже предлагается подумать над сочинением о детских годах любимого президента), а вот с поздним реабилитансом мы уже столкнулись. Если кто-то решил, что сейчас речь опять пойдет о Ходорковском, Бахминой и детях из разоренного Кораллова (которых один начинающий журналист-расследователь успел обозвать «статусными сиротами»), то напрасно. Речь пойдет о последнем государе императоре Николае II, которого, в отличие от бывшего олигарха и его присных, нынешняя эпоха вроде бы приветствует. Но формально-юридически реабилитировать не спешит.

В полной мере с этим противоречием нашего времени столкнулась великая княгиня Мария Леонидовна, направившая в прокуратуру запрос о реабилитации последнего царя. Вроде бы на ее стороне не только историческая правда, но и современный политический расклад, что, увы, бывает подчас не менее важно. Она формулирует свои требования прокурорам в тот самый момент, когда в России торжественно предадут земле прах белоэмигрантов Ильина и Деникина, архив того же Ильина передается из Мичигана в Москву, глава государства вот уже второе послание кряду цитирует ильинские инвективы.

Мы потихоньку отворачиваемся от советского опыта, на который безуспешно оглядывались в 2000—2004 годах; теперь перед внутренним взором наших политиков другой опыт, иной образ: державный. Главный праздник страны – 4 ноября, вполне себе «романовский» день; время от времени звучат намеки на то, что несчастный труп цареубийцы Ленина все-таки будет предан земле до конца второго путинского срока. Естественно было бы предположить, что Николая Александровича как жертву безбожного режима не только реабилитируют, но принесут ему символическое покаяние. Больше того; можно было опасаться, что чиновники, держа нос по ветру, проявят усердие не по разуму, вообще запретят публичную критику последнего государя, не дозвоят обсуждать его политическую работу (весьма далекую от совершенства), а будут только благоговейно воздевать очи гореи возносить хвалы святому, от большевиков умученному.

Не тут-то было.

С государем императором повторяется прошлогодняя история, когда прокуратура закрыла дело о Катыни: не имеем доказательств, не находим оснований, не отрицаем самой возможности постановки вопроса, но отказываемся давать на него внятные ответы. И вообще отстаньте от нас, имеются дела и поважнее. Например, помочь арбитражному суду в три с лишним раза снизить налоговые повинности «Юганскнефтегаза»; поскольку, когда «Юганскнефтегаз» нужно было отобрать у неправильного «ЮКОСа», он должен был государству три с лишним миллиарда американских рублей, а как только оказался в объятиях правильной «Роснефти», стал должен всего семьсот миллионов. Думаете, легко справиться с такой задачей? А вы со своей Катынью и царской семьей. Да еще небось спите и видите, как на основании судебного решения о признании вины НКВД и в целом советской власти будете выкатывать финансовые претензии. Ступайте отсюда, надоели.

Впрочем, не только в этом дело. Дело прежде всего в том, что прокуратура и суд, будучи органами трепетными, чуткими и отзывчивыми, лучше всех понимают истинный запрос эпохи. И на этот запрос, в отличие от запроса представителей императорского дома, отвечают сразу и однозначно. Запрос же заключается вот в чем. Конец 80-х и начало 90-х были временем *покаяния*. Когда нация попыталась сама себе разъяснить: что же мы натворили в XX веке, во что ввязались наши отцы и деды, как теперь нам из всего этого выпутываться. Страна хотела очистить совесть; отчасти переусердствовала, иногда впадала в истерику; но в целом смыла с себя и своей истории некоторые пятна. Пакт Молотова–Риббентропа. Расстрел пленных поляков. Потом пришла пора *забвения*. Фук-фук-фук, не было ничего, не помним, не до того сейчас. Интересно, что этот период наступил сразу после торжественных, пышных похорон останков царской семьи, истинных или (как полагает иерархия русской православной церкви) мнимых. Символическим актом захоронения новая элита как бы сняла с себя бремя ответственности за прошлое и необходимость разбираться в нем. Затем наступила пора *реставрации*. На звуки советского гимна наложили имперские слова все того же Михалкова, армии подарили красное знамя и золотую звезду... Теперь, после очередных похорон – Деникина и Ильина – заговорили о *примирении*.

Казалось бы, что плохого? Пора бы уж и примириться, завершить гражданскую войну. Но в том и фокус, что примирение возможно только после покаяния. А не после забвения и реставрации. Что значит для нас предать русской земле прах вождей белого движения? Значит ли это покаяться перед ними от имени отцов за красное помрачение ума? Или это значит вообще отказаться от исторического суда, признать равную правоту, она же равная неправота, белых и красных, убийц и жертв, героев и предателей? Тогда давайте с почестями перезахороним труп товарища Троцкого. Его телу тоже неуютно лежать на чужбине; он по-своему любил Россию и хотел ее силком утащить туда, где, по его представлениям, находится земной рай. Ах, не готовы? Ну тогда какое ж примирение...

Да, у тех, кто был на стороне Николая II, имелись ошибки; они совершали и преступления, и зверствовали, и предавали. Но прежде чем действительно *примириться* со своим прошлым, а затем предать окончательному *забвению* противоречия, некогда расколовшие нацию, мы должны общественно *покаяться* перед теми, кто пал жертвой революционного переворота. Этому не мешает спокойное научное исследование причин и следствий революции, ясное понимание того, что и Николай Александрович, и его окружение приложили руку к ее подготовке, по крайней мере – сделали далеко не все для ее предотвращения. Однако ж этому мешает отказ от ясного, однозначного, недвусмысленного нравственного суждения: кто перед кем виноват, в чем и каким образом вину можно искупить.

В противном случае не только прокуратура, но и общество в целом будут жить в соответствии с поэтической формулой: «Кишкой последнего попа/ Последнего царя удавим». Честное слово, у Пушкина были стихи и получше.

Кто мы, откуда, куда и зачем

На неделе между 29 мая и 4 июня. – Юрий Лужков, не спросясь подмосковных коллег, призвал объединить Москву и Подмосковьё; коллеги рассердились. – Алексей Мардашов продолжал биться за приобретение «Арселора» «Северсталью» и выход на глобальный рынок. – Госдума выступила с инициативой отмены статьи «против всех» в бюллетенях для голосования. – В мире думали и говорили о другом.

Немецкое телевидение обсуждает литературный скандал. По решению властей Дюссельдорфа знаменитый австрийский поэт и прозаик Петер Хандтке лишен премии, которую ему присудили доблестные дюссельдорфцы; решение отозвано, поскольку Хандтке не только публично защищает сербов и осуждает босняков, но и ездил на похороны кровавого диктатора Милошевича. Участники телевизионного диспута объясняют друг другу и зрителям, как нехорошо сочувствовать диктаторам и демонстративно закрывать глаза на преступления, совершенные большинством против меньшинства.

Можно долго спорить о том, настоящий ли диктатор Милошевич или так себе, типичный авторитарий; с другой стороны, обсуждать, большого ли ума писатель Хандтке, если произносит речи на похоронах не самого добросовестного политика конца XX столетия. Но все это разговоры в пользу бедных. Или в пользу богатых. Несомненно одно: немецкий истеблишмент проповедует плюрализм – и при этом морально давит на просербски настроенного литератора, который пошел против общего мнения. Поскольку плюрализм дозволен в жестко обозначенных рамках: ты заранее на стороне меньшинства, ты заранее против имперского духа, ты заранее против силы. А если не против, то сам окажешься меньшинством, причем таким, на которое не распространяется правило любви к меньшинствам. Ты – меньшинство нехорошее, иди отсюда.

Но если поглубже посмотреть на подоплеку дюссельдорфского скандала, окажется, что вся эта левая дурь – не более чем обратная сторона, искажение, помутнение ключевых моральных представлений нации о добре и зле, о том, что имеет значение, а что нет. Своим отрицательным фоном история с Петером Хандтке лишь резче оттеняет и обостряет контуры *базовых ценностей* современной Германии. Тех самых ценностей, без которых существование единой исторической нации невозможно. Не так давно журнал «Штерн» заказал социологический опрос о значении ценностных ориентиров для сегодняшнего немецкого общества. Не знаю, чего ждали от опроса журналисты; возможно, надеялись получить подтверждение бытующему мнению, что теперешняя Германия уже не та; вот была бы тема номера! Ничего подобного. Та.

На первом месте – *честность*, из которой вытекает *корректное поведение*. Девяносто три процента на Востоке, девяносто два на Западе, и дальше практически одна и та же цифра – у мужчин и женщин, у молодежи, зрелых людей и пожилых; у служащих, чиновников, предпринимателей. Девяносто два, девяносто три; девяносто три, девяносто два. Только у рабочих «всего-то» восемьдесят девять. На второе место немцы поставили *справедливость*. Что на Востоке, что на Западе, что у мужчин, что у женщин. И тоже фантастическое единодушие, за девяносто процентов. Третье место отдано *верности*. Четвертое *ответственности, чувству долга*. Пятое – *уважению*, шестое – *солидарности*, последнее *смелости*. (Урок Петеру Хандтке: не лезь на рожон.)

Разногласия возникают по другому вопросу: кто формирует ценностные ориентиры, родители или бабушки-дедушки, школа или сестры-братья, церковь или СМИ, а может, популярные люди? В том, что родители в этом смысле первые среди равных, согласны практически все. Насчет братьев-сестер, церкви и СМИ Запад и Восток характерно расхо-

дятся. На Западе братьям и пасторам доверяют куда больше, чем журналистам и популярным людям; на Востоке – наоборот. Это разногласие существенное, но не отменяющее главного: гражданская историческая нация в Германии есть, у нее имеется общее представление о базовых, фундаментальных ценностях, которые значимы для большинства, и все прочие различия – региональные, этнические, религиозные, имущественные, политические – отступают перед лицом этого великого неформального единства.

Еще и еще раз повторю: этим колоссальным общественным преимуществом можно пользоваться во вред, примешивая к нему личную или клановую глупость. Как это произошло с отозванной премией Хандтке: его наказали за то, что поступил не по-честному, несправедливо, безответственно, нарушая приличия. И не заметили, как сами нарушили принципы честности, справедливости, ответственности и уважения. Можно привести и другие примеры; я только что своими ушами слышал, как приятный во всех отношениях и достаточно внятный, даже умный пастор всерьез рассуждал о необходимости подготовить специальную версию Евангелия для атеистов, из которой будет изъято слово «Бог», чтобы атеистические братья не смущались излишними различиями между собой и верующими. Ибо в противном случае мы покажемся им нечестными, несправедливыми и проч., далее по списку. Но! это все помутнение, искажение глубинной основы; значит, у немцев есть что исказить и замутнить. А у нас?

Что бы ни говорили скептики, Россия сделала колоссальный исторический шаг вперед во многих областях материальной и культурной жизни (которую все же не решусь назвать духовной). Да, у нас по-прежнему колоссален разрыв между успешными и неуспешными; но ведь он сокращается: еще пять лет назад мы говорили о десяти процентах вписавшихся в новую реальность, а теперь число их приближается к двадцати. И не только за счет роста цен на нефть (хотя, конечно, этому фактору мы многим обязаны). Еще вчера мечтать о показе отечественных фильмов в широком российском прокате было невозможно; теперь не только «Ночной дозор», но и Сокуров имеют свой российский экран. Накануне мощного индустриального рывка находится книгоиздание; оно учится выпускать качественных писателей массовыми тиражами, и промежуточная стадия *отработки приема* на книжках Гришковца близится к завершению; впереди распространение накопленного опыта. Но. За все эти годы не сделано главное. Не найдены простые ответы на сложные вопросы: что же нас всех объединяет поверх бесчисленных различий? На какие ценностные ориентиры мы опираемся? Что значит быть россиянином сегодня? Откуда мы ведем свой род? Куда движемся? Что для нас имеет общее, надличностное, наднациональное значение?

До тех пор, пока в рамках широкой общенациональной дискуссии, в процессе совместной гуманитарной работы мы не найдем ответы на эти ключевые вопросы, мы не станем единой исторической нацией. Со всеми вытекающими последствиями. Одно утешение: пока у нас нет просветленного единства, нам нечего и замутнять. И наши литературные скандалы будут совсем иными: какой клан кого продвинул на литературную премию, кого задвинул – и проч.

Гадание о прокуроре

На неделе между 5 и 11 июня. – Путин внезапно отправил в отставку генерального прокурора Владимира Устинова, которого силовая группировка планировала в премники. – Парламентская комиссия отвергла версию депутата Юрия Савельева о том, что причиной бесланской трагедии стало применение спецназом тяжелого оружия.

Ключевое событие минувшей недели: отставка Устинова. Ключевая фраза недели: «Если бы у бабушки были определенные половые признаки, то она была бы дедушкой».

И авторство события, и авторство фразы принадлежат одному человеку; фамилия – Путин. Наверное, если бы журналисты получили возможность спросить у главы государства, почему он отставил Устинова, им ответили бы в том же стиле. Поменьше жуйте сопли. И помните о том, что товарищ волк сам знает, кого ему кушать.

Это несомненная правда. Знает. Но скушанный генпрокурор был олицетворением вполне определенного политического курса, и от того, кто станет его преемником, во многом зависит наша политическая судьба на ближайшие годы. Так внезапное поедание премьера Касьянова и чудесное явление премьера Фрадкова четко обозначили вектор движения страны в 2004—2006 годах. На радость одним, на горе другим; равнодушных не было.

Так вот. Если на место полнокровного Устинова придет какой-нибудь поджарый Козак, это будет означать некоторую надежду для тех, кто резко против политических потрясений, но и принимать нарастающую веймаризацию России не в состоянии. Человек, инкорпорированный в систему, принятый в закрытый клуб правящей элиты, не чрезмерный демократ и совершенно не авторитарий, он прошел через возвышения и опалу, получал заведомо невыполнимые поручения и все-таки отчасти смог их выполнить; коррупции не подвержен, сочинским прокурором не был. Одна беда: как только Козак наденет генеральнопрокурорские погоны, поломается схема «преемник–премьер», главное преимущество которой: в зависимости от политической ситуации в 2008 году потенциального премьера можно поменять местами с потенциальным президентом, и сумма от перестановки слагаемых не изменится. А тут возникнет трехчлен, рядом с Преемником появится Последователь, и это мало кому понравится.

Если место крупноформатного Устинова, чей лик не всегда уместился в тесных границах журнальных обложек, займет еще более корпулентный прокуратор Колесников, это будет внятный, честный и по-своему благородный жест предупреждения всяким либералам, интеллигентам и примкнувшим к ним бизнесменам: ребята, прячьтесь под лавку, слышите: гремит оборванная цепь? Устинов сделал все от него зависящее, чтобы вернуть должности генпрокурора утраченный им к концу ельцинского царствования статус; было в нем что-то горделиво-вышинское. Колесников этот статус может использовать по назначению; прокуратура при нем станет танкодромом. В связи с этим вспоминается история из жизни жены одного олигарха, которая сказала начальнику службы охраны, что дочка после школы хочет на каток, и в ответ услышала подобострастное: «Каток подогнать к школе или к дому?» Гоните, т. Колесников, к дому; школу мы закончили 25 октября 2003 года. И полученное в этой школе образование позволяет нам предположить, что никакого Колесникова в Генпрокуратуре не будет. Им попугают, потревожат, отвлекут внимание, чтобы проще и незаметней проскочить с настоящим кандидатом.

Если же прокурором станет другой полпред, Коновалов, то это будет означать одно: Генпрокуратура возвращается в служебные рамки, генпрокурор из политиков первого ряда переведен в разряд федеральных чиновников класса «А». И окончательно достроится система всеобщего усреднения, когда на ключевые посты в государственном бизнесе, бюрократии, медиа, дипломатии назначаются люди, очевидным образом не соответствующие масштабу поставленных задач. Ничего дурного при этом о г-не Коновалове сказать не хочу; вполне допускаю, что он может раскрыть какие-то совершенно новые качества на новом посту; но его назначение будет однозначно воспринято как разоружение Генпрокуратуры перед лицом партии и вождя. Что, может, было бы и неплохо. Если бы не процесс тотального обезвоживания политического организма, окончательного обезличивания и нивелировки.

Читатель ждет уж рифмы «роза»; пожалуйста. Мы помним все разговоры после отставки Михал Михалыча Касьянова. Кто будет, кого не назначат. А из воздуха соткался Фрадков. Но ведь конкретная фамилия конкретного назначенца не так важна, как его типаж. А их сейчас всего три. Замените имена Козака, Колесникова, Коновалова на аналогичные;

результат будет тот же. Какой именно – узнаем сравнительно скоро. Сможем понять, бабушка это или дедушка. И сделаем вывод.

Премиальные контуры сверхдержавы

На неделе между 12 и 18 июня. – Государственную премию РФ в обновленном формате получили: российский оркестр, татарский писатель, еврейский композитор, безымянный герой и русский патриарх.

Государственные премии РФ по новым правилам вручали второй раз, но подавалось все как в первый – торжественно, в прямом эфире федерального канала. И правильно. О прошлом году мы еще не знали, в какой именно стране будем жить, федеральное послание было выдержано в прежнем стиле демократической риторики (борьба с налоговым терроризмом, свободный человек в свободной стране...), не определяло долгосрочных стратегических целей; только первая, пробная цитата из философа Ильина пробрасывала намек на возможные идеологические обстоятельства. В нынешнем году все стало на свои места; пафос энергетической сверхдержавы подкреплен ракетой «Булава»; демографическая политика напрямую соотнесена с государственными задачами удержания территории и военной мощи.

Я сейчас не обсуждаю, хорошо все это или плохо; хорошо – если история XXI века пойдет по силовому пути и ресурсные войны не миф церэушных vs эфэсбэшных политологов, а самая что ни на есть горькая реальность; плохо – если на самом деле тренд мировой истории сохранит свое глобальное направление и нашим детям нужно будет конкурировать в рамках открытой экономики, сохраняя свои национально-культурные корни в условиях всеобщего размыва. Я все-таки о другом. О том, как быстро, как отзывчиво реагируют мелкие элементы государственной жизни на появившееся притяжение крупной системы; как они охотно заряжаются ее энергией и встраиваются в общую модель. Не было вчера стратегии – и Госпремии сами себя ощущали как нечто межеумочное; появилась стратегия – и они тут же наполнились системным смыслом.

Лауреаты нынешнего года в большинстве своем безусловно заслуживали наград. И крупнейший наш музыкант Михаил Плетнев, героически, в невозможных условиях создавший роскошный Российский национальный оркестр. И любимый многими поколениями актер Баталов. И Патриарх Алексей II, помимо всего прочего так много сделавший для спасения беспризорных детей. И два поименованных академика, и один академик тайный, не названный на церемонии – наверняка его военная разработка являет собою нечто выдающееся. Некоторые сомнения вызывает награждение авторов казанского балета про Юсуфа; все-таки это давняя работа, в свое время не допущенная отборщиками «Золотой маски» до основного конкурса. Но, во-первых, мы судить о достоинствах и недостатках «Юсуфа» не можем – не видели, а отборщики могли ошибаться. Во-вторых, не в искусстве тут дело; не было бы создателей «Юсуфа» – их следовало бы выдумать. Потому что именно эта номинация переключила Госпремию 2006 года в принципиально новый, идеологический регистр.

Перед нами, телезрителями, на сцене были не отдельные художники и ученые, а Представители, Образы государственной идеи. Дух безымянного военпромовского героя незримо реял над рядами кресел, в которых восседали статусные гости, и над красиво ряженными гвардейцами; чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей мы фиг вам отдадим.

Заслуженный актер, вспоминавший гонимую Ахматову, с которой он был биографически тесно связан, олицетворял собою неразрывную Традицию, ту самую преемственную историю, в которой горькая память о жертвах неотделима от гордости за свершения.

Российский национальный оркестр во главе с дирижером указывал на мировое значение русской культуры и ее связующую роль в нашем духовном пространстве.

Татарский балет, музыку к которому написал композитор по фамилии Любовский, подчеркивал идею национального и религиозного Мира: коранический Юсуф не противоречит библейскому Иосифу, что и отметил в своей речи композитор. А казанский поэт Ренат Харисов, видимо, автор либретто, не только произнес прочувствованную речь, в которой звучали до боли знакомые слова («ваше вдохновляющее выступление» и т. д.), но и огласил идейно выдержанный стишок в стиле Щипачева-Доризо-Острового, в котором примирялись национальные герои русского и татарского народа. Они, вообще-то, воевали друг с другом, но это «не вина, а скорее беда».

Что же до патриаршего куколя, то он знаменовал собою высоту морального авторитета, которая в нашем обществе по праву принадлежит русскому православному Патриарху. Главное, чтобы он не слишком жестко настаивал на экономической независимости церкви от государства, не требовал обратно отобранные церковные земли; так оно как-то спокойнее.

Чем не премиальный контур новой сверхдержавы, в которой наука глобальной энергии подкреплена, с одной стороны, безупречным и новаторским оружием, с другой – силой веры (или, по крайней мере, нравственности), а русская музыка с мировых высот привносит национально-религиозную гармонию в наше разнородное и богатое традициями общество? И какому же моральному уроду придет в голову подвергать деконструкции эту изысканную картину? Тем более что, повторяю, лауреаты и впрямь равнодостоинны.

Но проблема не в том, нравится ли кому-то подобная модель присуждения Госпремий, в которой каждый отдельный лауреат значим не сам по себе, а в связи с общим идеологическим замыслом; проблема состоит в том, какое будущее мы себе готовим сегодня. Или мы движемся туда, где государство растерянно разводит руками, когда его просят определить предпочтения в области искусства: сами разберитесь, частным образом; я вот лучше систему грантов для научных лабораторий разработаю, продумаю поощрительную систему налогообложения для книгоиздателей, дам денег на продвижение национального искусства и литературы, позабочусь о библиотеках. А ставить акценты – ну, это не мое, увольте. Или мы направляемся туда, где частным образом культуру и науку стараются поощрять пореже, поскромнее, если государство попросит; само же государство не просто реализует политику в области культуры (то есть создает условия для ее автономного развития), а ведет четкую культурную политику, то есть поддерживает стили и тенденции, направления и мысли. В том числе премиальным образом. Я понимаю, что выбирать не хочется; как говорила одна моя знакомая в ответ на просьбу – выбери хоть что-нибудь: «Я выбираю молочный суп». А все равно придется.

Южное Бутово и Северная страна

На неделе между 19 и 25 июня. – Генпрокурором стал министр юстиции Юрий Чайка; министром юстиции стал генпрокурор Владимир Устинов: рокировка. – Продолжалась битва жителей окраинного района столицы Южного Бутова за право жить в своих домах на своей земле – и не переселяться туда, куда их хочет отправить московская власть.

Казалось бы, какое дело регионам до жителей окраинной Москвы, которые восстали против переселения из деревянных домов в железобетонные? А выпуски федеральных новостей дают сюжет за сюжетом; прямые включения; точки зрения власти и граждан; «К барьеру» с Николаем Сванидзе (за жителей) и Владимиром Платоновым (за московскую власть). Просто какие-то ранние времена Первого съезда народных депутатов, а не позднее

путинская эпоха. Значит, страна смотрит? Стало быть, люди интересуются? Что им столица, что они столице, а они – рыдают...

Понятно, почему все восхищенно смотрят московский «Дорожный патруль»; зажра-тые москвичи бьют свои дорогие иномарки и плачут пьяными слезами – приятно. Но рас-сказ о судьбе южнобутовских выселенцев... Тут общероссийская аудитория совершенно не злорадствует; напротив, мысленно объединяется вокруг полудеревенских обитателей дере-вянных домов. И потому, что южнобутовцев выгоняют с занимаемой территории по Шемя-кину суду, а это русскому человеку слишком хорошо знакомо. И потому, что начальники с простыми людьми не торгуются, не ведут переговоры, а просто посылают подальше. Но еще важнее другое. Бутовских лишают святого – земли; а кто не жил по соседству с селянами и не знает, какие кроваво-мистические чувства связывают традиционного россиянина с каж-дым миллиметром земли, – тот не жил в России. Можно денег человека лишить – переживет; можно мужа посадить – жена поплачет, но смирится; землю отобрать нельзя. Кто сдвинул ночью межу на пять сантиметров – пожизненный враг; кто не сдвинул – либо святой, либо ненормальный: как же можно не прирезать кусочек бросовой почвы, матушки сырой земли? А тут внаглую, без обоснования, выкупа или равноценной замены чиновники объявили, что все земли принадлежат городу, а горожанам фигушки. Бунт не мог не подняться. Страна не могла его не поддержать. И уже не имеет никакого значения, кто прав, кто виноват. Важно только то, что Лужков покусился на главное, на землю; что его людям не хватило ума оста-новиться у запретной мистической черты.

И тут традиционный сюжет получает неожиданное развитие. Конфликт был поро-жден застарелыми навыками московской элиты («что мое, то мое, а вот об вашем-то мы и поговорим»), а преобразовался в акцию осознанного общероссийского сопротивления. Не в политическое противостояние – это важно подчеркнуть, а именно в коллективную *обще-ственную* борьбу за имущественные, обывательские права. Причем недаром в центре всех телевизионных сюжетов про бутовское стояние оказались женщины; семейный очаг и мать сыра земля по-прежнему ощущаются как центр и смысл жизни русской женщины. Южно-бутовский скандал всколыхнул застарелую традицию бабьего бунта; однако, к счастью, про-шедшие годы просвистели не зря; бунта мы не наблюдали. Самое обытовленное, самое пря-молинейное, самое простонародное сознание соединилось с представлениями о частных интересах и принципах гражданского общества в их низовом, но оттого не менее значимом проявлении. «Мы законопослушные граждане», – говорит тетенька в камеру, и ее слова как настоящий бальзам для либерального сердца.

Между прочим, как законопослушные граждане вели себя и мужики, устроившие зимой автомобильный протест против несправедливого приговора Олегу Щербинскому, на которого гаишники по сговору с местными властями свалили вину за гибель алтайского губернатора Евдокимова. Протест – мирный; традиция мужского кулачного боя за правду переросла в гражданскую акцию европейского типа; и эта акция была настолько успешной и настолько укорененной в толще народной жизни, что инициативу поспешили перехватить «единороссы». Общественное сопротивление было конвертировано в политические акции; но – очень важно! – не потеряло при этом своей общественной, гражданской природы.

Вывод. У нас на глазах формируется особый и очень глубоко укорененный в тради-ции вид гражданского общества. Способ мужской – как на Алтае; способ женский – как в Бутово. Вопреки мечтам демократических политиков, приземленный обыватель не хочет вылупляться из житейского кокона и становится прекрасным гражданином с крылышками. Вопреки нынешним правителям, он не собирается всегда пребывать в коконе послушного равнодушия. Он избрал третий путь – путь не бабочки, но улитки. Когда обывателя задевает за живое (а за живое задевает право на быт и частную жизнь в привычных формах, а также автомобильный беспредел), он вылезает из домика, страшно крутит усами, выделяет жгу-

чую слизь. Как только задача решена, он прячется обратно в домик – и не пробуйте извлечь его оттуда: бесполезно. Значит, тактика (она же стратегия) общественных активистов должна заключаться не в том, чтобы понуждать обывателя быть гражданином двадцать четыре часа в сутки, а в том, чтобы всячески его поддерживать, когда он готов побыть гражданином пятнадцать минут в день.

А вообще – если бы не сочувствие к личной судьбе Щербинского и вынужденных бытовых переселенцев, я был бы готов от всей души поблагодарить наших доблестных гаишников, обслуживающих власть судейских, а также Юрия Михайловича Лужкова лично за то, что они подтверждают собой правоту эпиграфа к «Мастеру и Маргарите»: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Они сделали для формирования гражданского общества в нашей стране больше, чем все активисты вместе взятые. Сделали – по глупости, породив социальные ситуации, из которых нет иного выхода, как только в гражданскую жизнь.

Министерство устиции: без вина виноватые

На неделе между 26 июня и 2 июля. – В процветающих городах России разразился настоящий винный кризис.

Самое сногшибательное событие прошлой недели: рокировка с прокурором Устиновым. Его сначала жестоко уволили, а теперь милостиво пересадили в кресло министра юстиции Чайки. Ставшего, в свою очередь, прокурором. Самое ошеломительное наблюдение недели текущей: в столичных магазинах окончательно и бесповоротно опустели винные полки; одиноко и безнадежно стоят бутылки по цене две-три тысячи рублей, все остальное скуплено на корню. Мы, разумеется, далеки от того, чтобы объяснять очевидный винный кризис превращением Минюста в Министерство Устиции; такое утверждение отдавало бы привкусом советской частушки: «Прошла зима, настало лето, спасибо партии за это». Вино пропало из-за того, что введены в действие новые акцизные марки для импортных напитков; старые, как водится, кончились, новые не напечатаны, маркитанты не смогли заказать свежие партии товара, а прежние запасы близки к исчерпанию. Да еще недавняя торговая война с Грузией и Молдавией, после которой исчезли плохие, но также и хорошие грузино-молдавские вина; рынок слегка просел, а потом и вовсе рухнул. Не Устинов в этом виноват; решения о перемене таможенных правил принимались задолго до того, как в правовой (она же силовая) системе наметилась рокировка. А все же переназначение т. Устинова на кое-какие мысли наводит. И не столь уж *невинные*.

В самом деле. Отрешившись от политики, забыв о публичном пространстве, сосредоточившись на абстрактных управленческих смыслах, мы сможем найти рокировке вполне здоровое объяснение и оправдание.

Да, у т. Устинова были определенные недостатки как субъективного, так и объективного свойства. Он любил лезть поперек батьки, а в условиях борьбы с коррупцией получал чрезмерные полномочия, которые безобразно усиливали одну из властных группировок. Он притормаживал дело «Трех китов» и «Гранда», в котором замешаны чекисты самого верхнего ранга; сам президент вынужден был вызывать следователя из Ленинградской области, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Прокурорская биография Устинова связана с захватом НТВ, арестом Ходорковского – и у некоторой части правящей элиты есть иллюзия, будто именно поэтому Устинову так не доверяют на Западе и с предубеждением относятся к его запросам об экстрадиции Березовского и Закаева; г-ну Чайке в этом отношении, думают они, будет проще.

С другой стороны: а какие серьезные претензии можно предъявить т. Устинову? Он что, брал (на себя) больше других? Он что, сдал кого-то? Он что, нелоялен? Никак нет. А если его убрать из системы, устиновский клан смертельно обидится и затаится. Лучше не убирать. Лучше переставить. Практически на такое же место, но с некоторым усечением полномочий, они же амбиции, они же возможности самостоятельной игры. Так шефа резидентуры, который работал в большой стране, но вот-вот будет объявлен персоной нон грата, переводят на ту же должность, но в страну поменьше.

Иными словами, нам продемонстрирован наглядный пример новой кадровой логики. При Сталине негодных вождей если не казнили, то понижали и сохраняли в системе: из членов Политбюро в директора комбинатов. При Хрущеве отправляли в отставку, исключали из партии, но зато не сажали. При Брежневе, вплоть до коррупционного дела директора Елисеевского гастронома Соколова и череды самоубийств (Щелоков, Рашидов и проч.), применяли метод горизонтальной ротации: переводили из одной республики в другую, на аналогичную должность. Или оставляли в ЦК, но перебрасывали на сельское хозяйство. При Андропове научились отправлять проштрафившихся руководителей на заслуженный отдых. При Горбачеве продолжили.

Лишь при Ельцине правящая бюрократия стала заложником публичной политики, и это ей очень не нравилось; как профессиональный популист и при этом опытный номенклатурный руководитель, Борис Николаевич внезапно и внеочередно выбивал клин из клана; никто и никогда не знал, на кого и когда падет его монарший гнев. После его ухода из Кремля роли поменялись; теперь публичная политика была заложницей бюрократии; принцип сбережения кадров и сосуществования кланов, от «семьи» до «чекистов», работал вплоть до ареста Ходорковского (25 октября 2003) и распался после протестной отставки главы президентской администрации Волошина (практически тогда же). Началась череда кадровых брожений; внезапно отправлялся в историческое небытие Касьянов, выплывал из нетей Фрадков; отсутствовала четкая схема, никто не знал, как себя вести по отношению к статусным отставникам и как статусные отставники должны вести себя по отношению к власти. А когда номенклатура не знает правил, ей тяжело и грустно становится жить на этом свете. Уж лучше ельцинский произвол, после которого можно было хотя бы уйти в оппозиционную политику, и никто не воспринимал это как предательство.

И вот – новый поворот. Ключевые *политические* фигуры в системе государственного управления *бюрократически* переставлены местами, потому что сумма от того – не меняется. Принцип горизонтальной ротации, который до сих пор применялся только к среднему начальствующему составу, распространялся на внутреннее, непубличное звено управления, перенесен вовне, в открытое пространство. А значит, кончилась не только политика; кончились иллюзии, будто бы она когда-нибудь вернется. Так управлять можно лишь в номенклатурном государстве, которое не нанято населением и подотчетно ему в своих ключевых решениях, а поставлено *над* и *вне*.

Некоторые основания для такой тактики у нынешней власти имеются. Массовая общественная жизнь только-только зарождается, в неожиданных формах, в бытовой сфере – об этом мы говорили в предыдущей колонке, «Южное Бутово и Северная Страна». Что же до практической политики, то она стала уделом профессиональных циников с одной стороны и пикейных жилетов – с другой; тех, кого всерьез волнуют перестановки в верхних эшелонах власти, так мало, что вроде бы можно с ними не считаться; собака лает, караван идет. Беда только в том, что собака иной раз лает каравану нечто дельное, чутье у нее лучше, чем у верблюда, и об опасности она предупреждает заранее, когда кажется, что все отлично и хватит попусту брехать. И еще в том, что самозамкнутая бюрократическая система, которая не страшится коррекции извне, в виде политических выборов, конкурентной борьбы и проч., рано или поздно перестает работать. Пока вождь не хлестнет кнутом, ни одна проблема не

сдвинется с мертвой точки. Будь то проблема гражданства для соотечественников (сколько Путин ее продавливал через свое же ближайшее окружение!); будь то проблема демографическая; будь то выход российских компаний на глобальный рынок; будь то строительство армии; будь то поставки вина. А если главный человек занят другими, не менее важными проблемами – от саммита и ВТО до судьбы российских дипломатов, – то бюрократическая машина без его понуканий перестает действовать. Грузинское и молдавское пойло устраняется искусственно, а французские, испанские, чилийские, аргентинские и проч. напитки пропадают как бы сами собой. Потому что пока лично президент не вмажет ответственным за изготовление таможенной наклейки, они не пошевеливаются. Тем более что монопольная компания, которой государство поручило заниматься новым контролем за поставкой спиртосодержащих (с духами тоже скоро будет напряженка), напрямую завязана на ФСБ, и никто не будет с ней рядиться. Опять же, если президент не скажет свое высокомонаршее «гав!».

Вот мы и вышли кружным путем к изначально заявленной теме. Между горизонтальной ротацией Устинова и полномасштабным винным кризисом, который напоминает о временах раннего неопытного Горбачева, нет никакой связи. И связь – прямая. Система самодостаточной и самонастраиваемой бюрократии позволяет принимать удобные кадровые решения. И не позволяет предотвращать глупейшие социалистические провалы в мощной экономике энергетической сверхдержавы.

Роснефть навывнос и в розлив

На неделе между 3 и 9 июля. – Завершился чемпионат мира по футболу. – Началась подготовка к народному IPO «Роснефти». – Госдума разрешила президенту использовать спецподразделения за пределами России. – Северная Корея к Дню независимости США произвела несанкционированный запуск ракет, но направила их в сторону РФ.

Во времена нашей перестроечной молодости некоторый знакомый, ныне академик РАН, а тогда начинающий преподаватель, славился тем, что хранил у себя дома невероятные запасы алкоголя. Когда к нему приходили гости, он распахивал дверцы бельевого шкафа, копошился в груде серых советских простынь и пододеяльников, шершавых полотенец, наволочек, покрывал и время от времени радостно вскрикивал: вот она! – извлекая на свет очередную бутылочку «Московской», каберне или вазисубани. Потом лез под диван, вытаскивал облезлый чемодан, перехваченный кожаными ремнями; в чемодане обнаруживалась консервированная закуска: баклажанная икра, голубцы, болгарский гювеч и китайская тушенка. Все пили, ели, страшно радовались и хвалили предусмотрительность хозяина, который всерьез отнесся к предупреждению поэта Тимура Кибирова: «...Но готовься жить заранее/ Без сыров и без колбас». И только потому никогда не жил без водки и закуски.

Минуло двадцать лет. Позади остались революции и контрреволюции, распад СССР и учреждение самостоятельной России, перевороты и внутренние войны, шоковые реформы и дефолты, появление российских миллиардеров и реставрация ЧК, борьба за членство в «Восьмерке» и перспективы вступления в ВТО, запуск сверхракеты «Булава» и возвращение принципов досрочного голосования; впереди – народные размещения акций крупнейших нефтяных компаний, общенациональные IPO. Люди, родившиеся в одну историческую эпоху, советскую, выросшие в другую, революционную, набравшие силу в третью, индустриальную, и вступающие на зрелости лет в четвертую, постиндустриальную, сами себе не верят: неужто это мы прошли такой невероятный путь? Вы! – отвечает им история. Добавляя: может быть, еще и не такой пройдете.

И в самом деле.

Мысленно возвращаюсь в 6 июля 1986 года; представляю, как запасливый приятель вынимает из-под стопки белья припрятанную бутылочку, и после третьей рюмки кто-нибудь из присутствующих говорит: а через каких-нибудь двадцать лет мы будем обсуждать не то, кто кого в Политбюро пересидит и какое крыло, прогрессивное или регрессивное, возобладало, а то, будем ли мы покупать в Сбербанке народные акции «Роснефти» или поостережемся? Засмеяли бы; ни за что не поверили бы. Однако ж вот: до 10 июля можно подписаться на покупку, по неустановленной цене, минимум на 15 000 руб. Фантастика!

Тут же перед умственным взором встает совсем другая картинка. 6 июля, допустим, 2001 года. Встреча со старыми друзьями в отличном новом ресторанчике; воспоминания о том, как доставали из-под кровати старый чемодан с голубцами, а из бельевого шкафа водку с вином. И вдруг какая-нибудь Сивилла объявляет: через пять лет случится винный кризис, снова будете скупать напитки, завидовать более расторопным, тревожиться: а не исчезнут ли и соль со спичками. В самый разгар общероссийского IPO. При цене на нефть 72 доллара. При безнадежном падении американской валюты и последовательном укреплении рубля, только что ставшего свободно конвертируемым. Опять же подняли бы на смех. Примерно как если бы сегодня, 6 июля 2006 года, нас кто-нибудь предупредил: через годик-другой вспомните про запасы продовольствия, китайскую тушенку и гювеч; ну не глупость ли, в самом деле?

...Но готовься жить заранее
Без сыров и без колбас...

А почему, собственно, глупость? Только потому, что Россия на подъеме, стабфонд растет как на дрожжах, зарплаты среднего класса поднимаются, дорогие магазины открываются повсеместно, а мы напрочь отвыкли от когдатошнего дефицита? Но если все так хорошо, каким же образом сложился нынешний экономический парадокс: «Роснефть» предлагается навынос, а вино на разлив закончилось. Реалии начала XXI века совместились с анахронизмами конца века XX. Абсурд, но факт, как говорил духовный вождь антиалкогольной кампании 1986 года Егор Кузьмич Лигачев.

Непомерные оптимисты с графиками и цифрами в руках убеждают нас, что нынешняя политэкономическая система, единолично замкнутая на любимого вождя, не ведет и не может вести к краху; никаких объективных причин для серьезного кризиса нет, одни бабьи вздохи и досужие разговоры; энергетической сверхдержаве ничто не угрожает... Рассуждая по-марксистски, объективных причин – нету. Все отлично, базис разбух, никакая субтильная надстройка ему не страшна; оппозиция может расслабиться и уйти в отпуск на долгие годы; ничего ей в нашей политической действительности не светит. Если экономике не мешать, она будет двигаться вперед семимильными шагами. Однако это если не мешать; выясняется, что непросчитываемая глупость может в любую секунду пробить брешь в нефтегазовом заслоне; что покушение на стабильную реальность, которого не могут позволить себе беспомощные противники режима, запросто позволяет *внутренне неконкурентная система*.

До поры до времени можно было закрывать глаза на то, что крупнейшей в России и одной из крупнейших в мире нефтегазовых компаний доверено руководить человеку с опытом работы в нижнем слое среднего бизнеса. На то, что сколько-нибудь самостоятельным людям все уютней внутри номенклатурной обоймы. Что правительством великой страны рулит профессионально-грамотный чиновник, опытный ничевок. Все сходило с рук; внешняя конъюнктура была сказочная. Она и сейчас сказочная, только сбои в цепи происходят все чаще; они пока не накладываются друг на друга, и соляной кризис, затронувший массы, разошелся во времени с винным, который затронул более изысканные слои; но дальше-то что?

Одно радует. Многие из нас понимали, что нехорошо вкладываться в народное IPO «Роснефти»⁶, поскольку оно преследует всего лишь две цели, и обе сомнительные. Во-первых, занять на рынке денег для покрытия расходов на приобретение «Юганскнефтегаза», похищенного у «ЮКОСа» при отягчающих обстоятельствах. Во-вторых, вовлечь широкие инвесторские массы в отмыв репутации; народ, он знает; народ ошибаться не может; если народ стал совладельцем, стало быть, все по-честному. Или, как говорили братки 90-х, по чесноку. А все-таки человеческая природа брала свое; жадность опутывала сознание ложными доводами: да ничего, да вдруг выгода, да экономика вне морали, да почему ты должен упускать свое... Теперь сомнений не осталось. Если посреди бурного капиталистического роста возможен катастрофический обвал в советский дефицит, чего ждать от их публичных размещений. Совесть чиста; деньги не потрачены; мораль совпала с трезвым расчетом; какое счастье.

От Басаева до Януковича

На неделе между 10 и 16 июля. – В Петербурге прошел саммит «Большой восьмерки». Путин был доволен: он выиграл все, что мог. – ФСБ объявило о гибели главного чеченского террориста. – На Украине разразился политический кризис.

Неделя перед саммитом «Большой восьмерки» выдалась бурная и жесткая.

Было заявление о гибели главного чеченского террориста. Который то ли взорвался сам, то ли был взорван конкурентами по военному бизнесу, то ли – действительно – устранен спецслужбами. Которые почему-то прибыли к месту происшествия на пять часов позже, чем местные милиционеры.

Была иркутская авиакатастрофа, которую впору называть автокатастрофой: самолет совершил посадку, пассажиры успели поаплодировать искусству пилотов (странная российская привычка), после чего аэробус врезался в гаражи.

Было похищение еще двух израильских солдат, бомбардировка бейрутского аэропорта, завязка большой ближневосточной драмы. Такое ощущение, что оголодавший после введения санкций ХАМАС в сговоре с другими бандитами осознанно спровоцировал Израиль, вынудил его разверстать армию на два фронта, а теперь подзуживает арабский мир на полномасштабную войну с евреями.

Была политическая свара в братской Украине.

Ну и наконец, было подписание в Стамбуле договора о строительстве нефтепровода Баку – Джейхан в обход России; не из-за этого ли подписания наши бедные туристы 12 июля целые сутки проторчали в аэропорте «Домодедово» – и не смогли вылететь в Турцию?

Почти каждое из названных событий будет иметь серьезные исторические следствия, даже автокатастрофа самолета: уже объявлено о строительстве нового иркутского аэропорта, и это сулит горькую радость всякому, кто мучался в нынешнем (пытаясь вылететь в бесконечный туман, пересиживая в соседних городах из-за нештатной посадки и проч.). Ужас, что – такой ценой; если бы не жертвы, правильное решение до сих пор не было бы принято.

Но мы, будучи убежденными эгоистами, интересуемся не следствиями вообще, а следствиями в частности. Как происходившее и происходящее скажется конкретно на нас, на нашей судьбе? Что переменит в ней? В зависимости от ответа на этот вопрос мы даем окончательную оценку случившемуся.

⁶ Если кто не помнит: «Роснефть», которая в момент ареста Ходорковского публично заявляла, что она тут ни при чем и на активы «ЮКОСа» не претендует, впоследствии, через цепочку посредников, стала обладателем и поглотителем самых лакомых кусков покойной нефтяной империи.

Итак. Басаев. Само по себе исчезновение этого человекообразного существа с поверхности земли воспринимается как возмездие и сулит моральное облегчение. То, что Басаев был жив, свободно передвигался по территории России (в частности – по Ингушетии, где прятаться особенно негде), казалось оскорблением здравому смыслу. И не имеет ни малейшего значения, сам Басаев подорвался или не сам (может быть, эфэсбэшники потому и не спешили к месту гибели, что слишком хорошо знали: там есть еще чему взрываться). Имеет значение нечто другое. Какие политические выводы будут сделаны из этого факта? Последний масштабный теракт г-на Басаева, бесланский ужас, стал поводом для учреждения вертикали власти и отмены выборности губернаторов. А его смерть? Каким поводом станет она? Поводом – для чего? Для очередного укрепления позиций спецслужб в составе современной российской жизни? Для дополнительной мотивации опасных планов спецопераций за пределами России? Похоже, что так.

Спустя два дня после гибели Басаева министр нашей доблестной обороны т. Иванов посещал некое авиапредприятие. Назвал марку вертолета, которую российская армия выбрала в качестве базовой; усомнился в необходимости идентифицировать останки Басаева (sic!); подвел черту: будет оформлен заказ на специальный вертолет для нужд ГРУ. И еще раз подчеркнул: только для ГРУ, для его специальных потребностей. А какие такие специальные вертолетные потребности у ГРУ? Только военно-точечные; напрямую связанные с новой мифологией энергетической сверхдержавы, которой угрожают все и отовсюду и которая может держаться только за счет нарастающей силы, способной контролировать страну изнутри и отвечать на вызовы вовне.

Какие ж у нас вызовы вовне? Ирак далеко; близко – Грузия. Через территорию которой а) пойдет обидный проамериканский нефтепровод, б) время от времени провозят оружие для северокавказских отморожков, в) не всегда хотят пропускать российских военных. Спору нет, российско-грузинские отношения никогда еще не были такими плохими, и нынешний Тбилиси сделал для этого все, что мог. Но спрашивается: мы будем вести затяжную дипломатическую игру, воздействовать на недружелюбного соседа политическими мерами, или станем военными средствами расшатывать ситуацию на сопредельной территории, чтобы инвесторы лишний раз задумались, стоит ли тянуть трубу сквозь это нестабильное пространство? Мстить за то, что наши пограничники в сговоре с грузинскими коллегами не мешают опасным грузам пересекать границу? За то, что через Ингушетию можно провезти все что угодно – и не слишком дорого?

Тогда увязнем – неизбежно. Даже Израиль, у которого колоссальный опыт именно вертолетных спецопераций, на глазах увязает в палестино-ливанской ситуации; мы же, на новеньких, почти наверняка вляпаемся в историю. И за внешнее поражение заплатим очередным завинчиванием внутренних гаек. Неважно, как это завинчивание будет словесно определено: укрепление суверенности нашей демократии или демократичности нашей суверенности; важно, что под предлогом экономического суверенитета только что был организован винный кризис. Одной равноудаленной компании не терпелось поскорее получить доходы от новой акцизной системы; она настояла на досрочном введении новых правил в действие; мы уже писали о том, какая организация этой компанией неформально владеет.

Нетрудно догадаться, как будет интерпретировано копошение на Украине. Мы же предупреждали! мы же говорили, что Янукович не так плох! мы умеем управлять несuverенными демократиями по соседству, да только Америка нам мешает! Может быть, и мешает. Да только политическая жизнь устроена иначе, нежели ее описывали в высшей школе КГБ. Объемней. Интересней. Непредсказуемей. Нынешний Янукович (который может вызывать симпатии и антипатии; не так уж это важно) – не тот Янукович, который вылутился из кучмовского гнезда; нынешний Ющенко – не тот Ющенко, который с трудом отвыкал от

номенклатурных премьерских привычек; одна Тимошенко – та же, ей на баррикадах уютней. Фигуры те же – жизнь другая.

И до тех пор, пока власть не поймет, что неправильная, бурная до глупости, но вольная политическая жизнь гораздо здоровее и эффективнее, чем жестко управляемая (а на самом деле постепенно расползающаяся) система, до тех пор настоящего суверенитета нам не видать. Хотя он действительно позарез нужен. Но не менее того нужен здравый разум, доверие к истории и спокойный расчет.

Всерьез и по приколу

На неделе между 17 и 23 июля. – Столкновения на юге Ливана переросли в новую арабо-израильскую войну. – В Чечне объявлена очередная амнистия добровольно сдавшимся боевикам. – В Питере продолжала работу роскошная выставка Филонова.

Пока в Москве прокуроры решали, как быть с г-ном Касьяновым, сажать его или просто обобрать, а на окраине Петербурга лидеры мировых держав вели неприкрытый торг: вы нам про свободу, мы вам про газ, вы нам про газ, а мы вам про свободу – в центре великого города, в Русском музее открылась фантастическая по масштабам и охвату выставка художника Павла Филонова. Художника вполне великого, хотя и страшноватого; в его ярких, переливающихся картинах слишком различим образ анатомического театра, сплетение человеческих сухожилий, болотное мерцание разлагающейся плоти; и все это – без малейшей насмешки, иронии, гротеска. С предельно жестокой серьезностью.

Мы от такой серьезности давно уже отвыкли; недаром на выходе с выставки зрителя провожает постмодернистский лев работы известнейшего современного художника Вадима Захарова. Лев, который весит больше тонны, время от времени заваливается, как заводная китайская игрушка на скрученных тросиках, – и опять поднимается; при этом он читает клокочущую страстью автобиографию Филонова, жившего впроголодь – от пенсии тот отказался, поскольку ее дали не за творческие заслуги, а «по состоянию здоровья».

Филонов трагик. Захаров шут. (Это не оценка, это захаровское самоопределение.) Устроители выставки нашли гениальное решение: заваливающийся лев работает адаптером, он переключает нас из филоновского мира, где все катастрофически серьезно, в мир современности, где все катастрофически несерьезно. Заново приспособливает к ней. К ее беззаботной насмешке.

Филоновскую выставку от захаровского льва отделяют непроницаемо-черные завеси; на долю секунды вы оказываетесь ни там, ни там: ни в пределах жутковато-серьезного мира, ни в пространстве шутовского пофигизма. При желании можно задержаться между завесами и долю секунды – продлить. Однако ж рано или поздно придется делать шаг. Либо туда, либо сюда.

Информационное неравенство

На неделе с 24 по 30 июля. – Израиль увязал в Ливане. – Европа плавилась от жары. – В Кодорском ущелье случился странный бунт непонятных людей против центральной власти. – Партия «Родина» и «Партия жизни» объединились, чтобы стать прокремлевской альтернативой кремлевской же «Единой России».

Наше телевидение блестяще отработало тему ливано-палестино-израильского конфликта. Гораздо объективнее и ярче, нежели «Евроньюс». Давно корреспонденты не чувствовали себя так свободно, так раскованно; их не понуждали быть пропагандистами, комис-

сарами идейного фронта, а просто поставили профессиональную задачу: ты расскажешь про то, что чувствуют люди и думают политики по ту сторону баррикады, а ты – о том, что чувствуют и думают по эту. Условие необходимое и достаточное, чтобы создалась объемная картинка живой современной истории, в которой есть интересы и идеалы, незащищенный быт и жестокая необходимость карать, игроки и наблюдатели, провокаторы и жертвы. Да, время от времени ведущим теленовостей поручали принародно подставить израильского посла Аркадия Мил-Мана (посол держался блестяще); но эти трехминутки официальной позиции воспринимались как нечто несущественное, проскакивали мимо сознания.

Отечественным новостникам есть чем гордиться; как ни отучали их от основ профессионального подхода к информации, они сохранили вкус к разносторонности, к непредвзятой подаче материала. Другое дело, что проявиться им дают нечасто. Отношения регионов и центра – вне реального информационного поля. И жизнь несистемной оппозиции (системной просто нет) – тоже. И борьба общественных идей за рамками «Единой России». И ситуация в Чечне, сданной в аренду клану Кадыровых (не уверен, что это худшее из решений, но сейчас речь о другом). Ситуация на Украине. «ЮКОС» и «Роснефть». Грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликты. Жизнь чекистская. В этих «отсеках» информационного пространства безраздельно царит пропаганда отстойного советского образца.

Есть такой грузинский деятель Георгий Хаиндрава. Пока он был министром ненавистного Саакашвили и отвечал за Абхазию с Осетией, мы видели по ТВ *звериный оскал врага*. Как только ушел в оппозицию – превратился в нежнейшего друга. Между тем Хаиндрава был и остался просто внятным политиком, умеренно антироссийского настроения, но с верой в идею прав человека, которая выше узких государственных интересов. Невозможно объемно, непредвзято рассказывать о людях и проблемах, к которым неровно дышит нынешняя российская власть; только с придыханием, сладким восторгом – или с пеной на губах, содрогаюсь от ненависти, как от приступа геморроидальной лихорадки.

Самое время обнажить проблемы со свободой слова, обличить цензуру, напомнить о праве на информацию, которого нас лишают. Но – притормозим поток вольных мыслей. Зададим несколько простых вопросов. А что это значит: невозможно рассказывать? Невозможно – кому? Невозможно – где? Думаем. Отвечаем. Совершенно невозможно – на ТВ. В некоторых крупных газетах также непозволительно. В других можно – с небольшим перекосом в пользу официальной позиции. В третьих, элитных и малотиражных (например, в «Ведомостях»), вполне допустимо. Практически на всем пространстве Интернета – милости просим, говори что думаешь. А уж если вы готовы работать без гонорара, то и подавно; любой независимый форум к вашим оппозиционным услугам.

Значит, говорить о гибели *свободы слова* не приходится. Приходится говорить о другом. О полной гибели профессии политического журналиста на ТВ и о тотальном ее кризисе в относительно массовых газетах. В немассовых она по-прежнему здравствует, а что касается возможности общаться с аудиторией без получения зарплаты, то Рунет гарантирует огромный охват продвинутой аудитории. Иными словами, высказываться можно. Нельзя – влиять, и тем более нельзя жить за счет этого влияния.

Когда мы обличаем зажим свободы, мы неверно ставим диагноз; неверный диагноз опасен неправильным лечением. Страна больна не столько информационным авторитаризмом, сколько информационным маразмом; усилиями власти она поделена на два неравных лагеря: успешным и образованным – всё, кроме права бросать вызов верхушке, неуспешным и необразованным – ничего.

Такое положение вещей сулит некоторые гарантии клановой стабильности; телеаудитория превращена в неразличимую электоральную массу и охотно заглатывает пропагандистскую наживку, недовольное меньшинство на самом деле ничего не лишено. Захочет – посмотрит дискуссию между Нарочницкой, Каспаровым и «единороссами» по Би-би-си;

разумеется, по-английски. Не захочет – ее дело. Однако верно и обратное. Такое положение вещей сулит внутренний раскол России на два *информационно не связанных* между собой общества. Конструкция ненадежная. Непрочная. Непрагматичная. С любой точки зрения опасная. Я мог бы сказать и по-другому: ситуация противоестественная, двусмысленная, противоречащая той задаче, которую перед нами поставила история: создать единую гражданскую нацию. Но сознательно перехожу со своего, ценностного, интеллигентского языка, на язык нынешних политических менеджеров, изнутри их логики пытаюсь объяснить нарастающий кризис на фоне полного благополучия.

Союзнички

На неделе с 31 июля по 6 августа. – Разрастался конфликт между Грузией и Абхазией, спровоцированный ситуацией в Кодори. – Горела усадьба «Мураново». – Правительство огласило обновленный список террористических организаций.

Главным событием ушедшей недели был пожар в доме-музее Тютчева «Мураново», построенном по проекту Баратынского. Но, к сожалению, вектор нашего движения сквозь историю определяют сегодня не Федор Иванович и Евгений Абрамович. А совсем другие люди. И совсем другие события. Именно они были в центре телевизионного внимания. Прежде всего – обновленный и расширенный на две позиции *список Фрадкова*: перечень запрещенных в России террористических организаций. А также визит Уго Чавеса, венесуэльского вождя нищих врагов Америки. Если мы не ошибаемся, то и этот список, и этот визит окончательно оформляют схему наших внешнеполитических приоритетов; стоит приглядеться повнимательней.

Две новые позиции фрадковского списка запретов – это не Хамас и «Хезболла», как можно было бы ожидать. Последовало специальное разъяснение: те и другие в чеченский конфликт не мешались, видов на Северный Кавказ не имеют, какие ж они нам враги. В отличие от каких-то малоизвестных исламских фондов. Ну, не враги так не враги. Хорошо хоть не близкие друзья. В отличие от Уго Чавеса, которого не просто принимали самым теплым и сердечным образом, но всячески подчеркивали, что он наш союзник в деле выстраивания многополярного мира. Называли других союзников: Китай, Индия, в газовом смысле – Алжир.

Спору нет: сегодняшняя Америка не в лучшей политической форме; самое время переадресовать ей давнее *mot* Юрия Карякина: «Америка, ты одурела!» Тактика Израиля на Ближнем Востоке небезупречна; но какая может быть безупречная тактика, если их нынешняя Палестина – это наша вчерашняя Чечня? Европа полна противоречий, эгоистична и полужакрыта для нашей экономической экспансии. Ключевой газовой державе, России, нужно взаимодействовать с другим газовым монстром, Алжиром. Нефтяная судьба и наличие незадействованной структуры ВПК предполагает активную торговлю с Венесуэлой. А Китай готов на те условия, которые с ходу отвергает Запад.

Но. Одно дело вынужденное партнерство и дистанцированное взаимодействие, совсем другое – дружба врасос. Боюсь, что дистиллированный *список Фрадкова* и феерический визит Чавеса, позиция в иранском вопросе и в палестино-ливано-израильском конфликте непоправимо разрушают смысловой баланс. И отбрасывают нас в позднесоветские времена, когда ближайшими союзниками великой державы сплошь и рядом оказывались мелкие жулики и крупные отморозки, людоеды и террористы, лишь бы прочно сидели на нефтяной игле и покупали советское оружие. Всякого рода Менгисту Хайле Мариамы, Муаморы Каддафи и Агостиньо Неты. Они же Бруты.

Они произносили правильные слова о пролетарском интернационализме и американском милитаризме, о светлом социалистическом идеале и об израильской военщине («как мать говорю, как женщина: требую их к ответу»). В размен получали то, чего от Америки добиться не могли: технологии, которые вполне способны избавить от необходимости дальнейшего сотрудничества. И затем чаще всего начинали свою собственную политическую игру. Без оглядки на Советский Союз. Точно так же действуют сегодняшние хамасовцы: угаривают Россию преодолеть брезгливость, признать их до и помимо мирового сообщества, обещают предоставить инструменты влияния, но когда приходит пора расквитаться, слушаются Ирана. Недалеко от них ушел и Чавес; он воспел Москву именно за то, что предоставляет ему технологии еще до всякого сотрудничества; Америка, та сто лет качала венесуэльскую нефть, а технологиями не делилась. И правильно, заметим, делала. Потому что Чавес с российскими технологиями и российским оружием будет нуждаться в любимой России не больше, чем в ненавистных США.

Кстати сказать, он предельно грамотно выстроил маршрут своего экономико-политического блицкрига. Сначала Куба, потом Белоруссия, затем Россия и, наконец, по пути домой, Иран. Тем самым он обозначил и свою идеологию, и свои приоритеты, и наше место в своей картине мира. Нам что, уютно находиться где-то между Белоруссией и Ираном? Или мы хотим повторить судьбу самой Венесуэлы, которая обладает едва ли не крупнейшими запасами нефти в регионе, а живет хуже всех? Сомневаюсь.

Что же до Китая, то это особая песня. Ни мелким, ни отморозенным великого восточного соседа не назовешь. Террористов там тоже не жалуют. Но у Китая нет и не бывает союзников. У него есть сегодняшние враги и временные партнеры. Последних можно использовать как опору в противостоянии с врагом. А потом внезапно помириться и разменять партнерские связи на дружбу с бывшим противником и важные преференции от него.

Скажи мне, кто твои союзники, и я скажу, кто ты.

Эрмитаж: заповедь 10 прим.

На неделе с 7 по 13 августа. – Президент подписал указ о сокращении численности федеральной военной группировки в Чечне: младший Кадыров тем самым повышен в статусе. – Государственный Эрмитаж признал, что на протяжении многих лет из его коллекции похищались ценные предметы; подозрение пало на хранилищницу.

Сначала сгорело «Мураново». Потом обнаружили хищения в Эрмитаже. Теперь выясняется, что из Российского государственного архива литературы и искусства пропала коллекция конструктивистских рисунков Чернихова; часть из них только что снята с торгов на «Кристис». Журналисты в восторге; все каналы, все газеты наперебой обличают проворовавшихся музейщиков, архивистов, хранителей; газетная кинокритикесса объясняет, какие музейные тети бездельники, только и делают, что чай пьют и разговоры разговаривают; некоторый умник предполагает, что мурановский дом загорелся не вполне случайно: еще немного – и выяснится, что сотрудники Муранова молнию специально заказали, чтобы сподручнее было красть тютчевские книжки под предлогом пожара.

Я совершенно не собираюсь защищать проворовавшихся хранителей. Или изображать музейщиков последними святыми на Руси. Разные бывают люди. И система охраны повсеместно поставлена кое-как. И оплаченная выставочная деятельность ценится во многих музеях выше, чем рутинная работа по сбережению и описи фондов. И непомерно распространилась экспертная мафия, выдающая заказные заключения: о подлинности фальшивых работ, о том, что шедевры не имеют ценности, стало быть, подлежат вывозу. Добрая треть антикварного рынка имеет музейное происхождение; практически любая свежая коллекция

дуэльных пистолетов в своеобразных футлярах без какой бы то ни было специальной проверки с ходу может быть признана скупкой краденого. Все так. Но есть в развернувшейся медийной кампании нечто опасное, истероидное и одновременно холодно-расчетливое, против чего восстают и сердце и разум.

Во-первых. Послушав наших журналистов, можно решить, что худшие воры в России – это музейщики и библиотекари. А не погоновожатые, разобравшие на части «ЮКОС», присвоившие «Юганскнефтегаз», застопорившие алкогольный рынок, скупающие за полцены медийные ресурсы, готовящиеся к дальнейшему огосударствлению крупного бизнеса в свою пользу. А если учесть, что встык с репортажами из Эрмитажа и РГАЛИ идут сюжеты из зала суда, где приговаривают за корысть и шпионаж очередного академика, то картина становится вовсе печальной. Главными антигероями эпохи объявлены ученые и люди культуры. Милицейские «оборотни» давно уже в тени; гаишники – ангелы, лояльные олигархи – душки; о действующих чиновниках федерального уровня в соответствии с новой редакцией закона о терроризме вообще говорить ничего дурного нельзя: засудят. А про музейщиков и ученых – можно. Что же до лучших людей страны, чистых, совестливых и глубоко народных, то их имена известны каждому: новые русские бабки, Петросян, Галкин, доктор Курпатов и товарищ Крутой.

Второе. Главная причина воровства в музеях, библиотеках и архивах – не нравственная деградация интеллектуалов, как можно решить, наблюдая за медийным отражением эрмитажного сюжета. А нравственная и культурная деградация общества в целом, которому а) решительно безразлично, что там сберегается в наших фондах, на какие деньги и в каких условиях – до тех самых пор, когда обнаружится очередная пропажа; и б) совершенно не претит мысль о скупке краденого. Между тем главный источник музейного зла – это именно сторонний скупщик; он формирует заказ, он регулирует теневой рынок антикварного оборота, он почти не скрываясь владеет чужой собственностью. Потому что знает: никто его не осудит, никто не спрячет за спину руку при встрече; красть вроде бы нехорошо, а покупать краденое и владеть им – почему бы нет? Проводит же государство народное IPO «Роснефти», и ничего, сотни тысяч физических лиц добровольно становятся ее совладельцами. Отчего же антикварам не купить себе немножечко Эрмитажа? Отчего ж не нарушить заповедь 10 прим.: не покупай краденого?

Третье. Вновь пошли разговоры о том, как хороши, как свежи были нравы при советской власти; музейные получали свои 120 р., а фонды при том были в целостности и сохранности. На это можно возразить, что целостность была неполной и сохранность небезупречной, но дело все-таки в другом. При советской власти красть из хранилищ было труднее, потому что главным вором было само благословенное коммунистическое государство; оно решало, что у кого отобрать, что кому перепродать – и ревниво следило за своей воровской монополией, отстреливая конкурентов. Запасники Эрмитажа разворовывались не хранителями (чья теперешняя вина еще судом не доказана), а официальными представителями власти, которые меняли культурные сокровища на оружие, затыкали царскими драгоценностями бесконечные дыры в своей разрушенной и бездарно управляемой экономике, оплачивали шедеврами разведуслуги всякого рода западных проходимцев вроде Хаммера, передавали настоящие клейма Фаберже французским ювелирам, чтобы НКВД совместно с ними продавало поддельные яйца и могло финансировать террор против белоэмигрантов. О том, что основу многих коллекций составили незаконно экспроприированные частные собрания, вообще умолчим; после того как новая Россия в 1991 году предпочла приватизацию – реституции, эта тема, увы, утратила актуальность.

Наконец, четвертое. И последнее. Чтобы поправить положение вещей, безусловно ужасное (за тех, кто вляпался в музейно-архивную историю, смертельно стыдно), нужно не выговоры директорам объявлять. И не мнимых шпионов от науки разоблачать. А бороться за

нравственный климат в обществе – не только в музеях. Вырабатывать повсеместную брезгливость к воровству. И уж точно – не подавать государственный пример клептомании. Кроме того, нужно понимать: культура – это и есть истинный приоритет возлюбленного отечества, главный (наряду с научным знанием) ресурс развития. Значит, необходимо строить новые музейные и библиотечные здания, чтобы коллекции по большей части находились не в подвалах, а на свету, перед глазами публики; чем большая часть собрания доступна зрителю, тем выше уровень безопасности. И пора, не жадничая, повсеместно финансировать оцифровку музейных объектов; предмет, изображение которого вывешено в Интернете, в разы труднее украсть и продать. После чего начали возвращать и подбрасывать эрмитажные вещи? После того как на сайте музея появились картинки: часть фондов успели сфотографировать.

А так – что ж. И внутреннюю охрану нужно усилить. И тетенок, пьющих чай, расшевелить (прибавив им для начала зарплату до уровня газетных журналисток). И каяться музейному сообществу есть в чем. Но давайте все-таки виноватых искать в порядке живой очереди. Сначала – защищенные новым законом чиновники; оказание госуслуг стало в России самым доходным бизнесом. Затем – поговоновожатые. За ними – прикормленные гладкошерстные олигархи. После этих – неразборчивые коллекционеры. И только за ними – музейщики.

Ты – яблоко сада,
Я – облако ада,
Ну что тебе надо
Еще от меня?

Чисто не радует

На неделе с 14 по 20 августа. – 15 лет назад в России случился путч. – Тогда же Россия обрела трехцветное знамя. – 7 лет назад Путин стал премьером.

16 августа 1999 года Государственная дума с первого захода утвердила нового премьера. Может быть, в расчете на то, что продержится недолго – как до него недолго продержались Кириенко, Примаков или Степашин. А может быть, из равнодушия: кто бы ни был, все равно ни во что не полезет и ни с чем не справится.

Как показал исторический опыт, думцы полностью просчитались. Новый премьер удержался в своем кресле ровно столько, сколько было необходимо для прорыва на следующий политический уровень; он рывком проскочил на властные антресоли. Полез во все, что считал нужным. И со всем справился. По крайней мере, если смотреть в ближайшей исторической перспективе. Вопрос: каковы предварительные итоги, промежуточные следствия его несомненного личного успеха – для нас, грешных? Каково нам живется сейчас, по прошествии семи лет?

Если судить с внешней, формально-количественной точки зрения, то честный ответ должен звучать так: таким, как я – гуманитарным, активным гражданам крупных городов, – хорошо весьма. Книжки начали выходить, продаваться; читать не хочу, пиши не могу. В кино успех очевиден: сняты и – главное – широко показаны неплохие фильмы: от «Своих» до «Связи», от «Войны» до «Моего сводного брата Франкенштейна». А театр? Все пророчат конец репертуарному театру; Петр Фоменко меж тем строит новое здание; Женовачу недавно собственный театр подарили с барского плеча; Любимов на пороге 90-летия ставит и ставит.

Идем далее. Я лично смог реализовать давнюю мечту и благодаря закрытой ныне «Открытой России» с 2003 по 2006 год объездил родную страну вдоль и поперек, от Кам-

чатки до Владивостока, от Омска до Владикавказа, от Нальчика до Дагомыса, от Новгорода до Волгограда и далее везде. Это колоссальный опыт; разрозненные кадры, смонтированные встык, оживают, насыщаются объемом, перед глазами появляется движущийся образ разнородной подвижной России, которая стремится вверх и вширь, строится, растет, стряхивает с себя советский морок и тут же покрывается новой изморозью...

Наберем воздуха в легкие, сделаем смысловую паузу, от высокого через среднее спустимся к низкому, но не менее важному. Поговорим про деньги. При малейшем чутье и умении быстро принимать решения в это тучное семилетие можно было обеспечить себя материально. Гуманитарным трудом, без воровства и даже без унылого вовлечения в офисный бизнес: за умение составлять слова и лихо закруглять тексты стали пристойно платить. Кроме того, всякий, кто успел до 2003-го взять ипотечный кредит, купил и обустроил свое жилище; каждый, кто не испугался после 2004-го взять другой кредит, на неотложные нужды, и вложился в элементарные коллективные инвестиции, заработал по 50—70—100—150 процентов годовых. А уж кто как распорядился этим легально заработанным первоначальным полукапиталом — его личное дело. Хочешь — становись скромным портфельным инвестором, хочешь — кути в ресторанах (между прочим, московские кафе давно уже лучше немецких, бельгийских и тем более стоковых), а нет — покупай спортивную машину и катай девушек.

Что же до *свободы слова*, которая вроде бы зажата или даже уничтожена, то все гораздо сложнее. Зажата-то она зажата, но в Интернете вывешены онлайн-версии всех крупных западных газет; подписаться на Би-би-си, Си-эн-эн и прочие вражеские телеголоса можно без малейших проблем и не слишком дорого. А любое сочинение, отвергнутое в подцензурных изданиях, с радостью (хоть и без гонорара) подхватят на форумах. Хоть в ЖЖ, хоть в «ЕЖ». Свободы слова нет только для бедных и необразованных; для тех, кто в ней не нуждается и обречен смотреть исключительно родное ТВ. Которое, замечу в скобках, делают люди, обладающие всей полнотой политического знания. Их не сузу, затем что к ним принадлежу.

В стране учредился странный политический режим. Я бы сказал, распределенческий. Власть, как сатана в средневековой притче, предлагает выбирать: в правой руке или в левой? Тем, кто выберет правую, гарантируют полноценную представленность в парламенте за счет партии власти, она же партия большинства. И тут же отберут доступ к независимой информации и право на личный финансовый успех. Тем, кто предпочтет левую, наоборот, предоставят полную материальную независимость, откроют настежь информационные двери. Зато лишат права полноценного участия в политической жизни. В том смысле, что никаких депутатов от этой группы населения в большой нашей Думе нет и в ближайшие годы не будет. По-настоящему плохо только тем, кто не принял и не мог принять эти правила политической игры; кто попер поперек рожна. Иных уж нет, а те далече, как Сади некогда сказал...

Но, как известно, у сатаны в руках ничего хорошего нет и быть не может. Только дрянь. Что в правой руке, что в левой. Не знаю, что чувствуют выбравшие правую (они молчаливы, как всякое большинство; впрочем, время от времени и они посылают сигналы бедствия, как это было после монетизации льгот.) Но зато очень хорошо знаю, что ощущают те, кто оказался слева. Ничего хорошего они не чувствуют. При всех своих книжках, деньгах, видеотарелках и поездках по стране и миру. И вот почему.

Представьте себе, что вас одели в дорогие одежды, выставили роскошные кушанья, усадили в удобное кресло, включили иностранный телевизор и попросили никогда не открывать окно. Потому что вокруг воняет гнилью. Аппетит испортите. И не смотреть вниз. Поскольку видно, что висим над пропастью. Голова закружится. Вы день терпите, два, на третий начинаете тосковать, на пятый кусок не лезет в горло, на седьмой развивается клаустрофобия. И все кажется, что вот-вот начнется землетрясение, а пропасть — вот она, а вонь — вокруг, а спасательных кругов нет, и противогазов тоже.

Можно сказать и по-другому. Свобода – это возможность жить по правде не потому, что тебе приказали, а потому, что ты сам так решил. Деньги – всего лишь инструмент свободы. А творчество – бесконечный путь к ней. Если ложь объявляется высшей степенью правды, то что тогда такое кривда? Если творчество ведет к деньгам и только, творчество ли это? Если из денег выдаиваются исключительно деньги, то какой в них интерес? Вокруг нас нарастает политическая подлость и пошлость; наши союзники все больше напоминают гоголевских свиней в ермолке: то хрюкнет Чавес, то заржет Хамас, то ухмыльнется Каримов; наши элиты заперлись в Кремле и думают, оттуда не слышно, как они между собой грызутся; в разгар нефтяного бума исчезает вино; средств много, а бедных не становится меньше. Вопрос: мы этого хотели? Еще вопрос: мы стали счастливее оттого, что начали легче жить? И еще вопрос: мы не предчувствуем новые потрясения?

Собственно, об этом – старый анекдот. Приходит новый русский в магазин елочных игрушек, возвращает купленные вчера шары: «Заберите их, они ненастоящие». – «Как ненастоящие?!» – «Да чисто не радуют».

Все на Митинг за смыслом жизни

На неделе с 21 по 27 августа. – 21 августа на Черкизовском рынке в Москве была взорвана самодельная бомба: патриотические студенты протестовали против засилья инородцев на рынках; погибло 10 и ранено 49 человек. – В эти же дни на побережье Адриатики проходила ежегодная встреча христианской общественности.

Вот картинка, достойная внимания. Знойный город Римини на излете итальянского лета. Море, пляжи, курортная расслабленная атмосфера. На краю города – что-то вроде ЭКСПО, череда безразмерных ангаров, битком набитых людьми. И ничего курортного. Впрочем, делового – тоже ничего. В центре главного павильона колоссальная детская площадка, где подрастающему поколению позволено стоять на ушах; под ногами шныряют подростки на роликах; нужно внимательно смотреть под ноги, чтобы не налететь на коляску со спящим младенцем. У входа в некоторые залы – толпы безнадежно желающих прорваться внутрь; раньше нужно было приходить. Самая большая аудитория вообще оцеплена; организаторы проводят нас черным ходом, чтобы мы хотя бы постояли сбоку. Оглянувшись, столбенею: шесть тысяч мест, все заняты, люди сидят в проходах, на полу перед трибуной, стоят вдоль стен. В основном молодежь. Отнюдь не лузерского вида.

На что ж они пришли, ради чего прорвались сквозь заслоны? Не на звезду певического бизнеса, не на модного актера, не на предвыборное выступление политического вождя. Тема лекции: вечность и современность. Шести тысячам слушателей докладывает университетский профессор. Не лишенный пассионарности, несколько экстатический, но не пророческий и не творящий кашпировских чудес. Просто рассуждающий о вере и разуме, о драме поиска бесконечности в нашем скоропортящемся мире... «Что делают здесь все эти люди? – спрашиваем сопровождающую (она, равно как все задействованные в организации люди, включая водителей, работает без денег, сама оплачивает форму и еду). Да еще в разгар купального сезона?» – «Ищут смысл жизни», – отвечает.

Для нынешних ушей ответ звучит слегка бесстыдно; про секс разговаривать вслух не зазорно, а про смысл жизни как-то неловко. Но тут – никакого постмодернистского смущения; извините, дескать, за пафос, больше не будем.

Это – Митинг. Так называется ежегодный фестиваль христианской (и не только христианской) общественности в Римини; проводится в двадцать седьмой раз. Год от года людей здесь становится больше; не так давно пришлось расширяться в разы, строить новую территорию. Официальным порядком подсчитать количество людей, проходящих через Митинг

за неделю, невозможно: билеты не продают ни на дискуссии, ни на вечерние концерты; судя по количеству съеденного и выпитого, в прошлом году тут было около 800 000 человек. В этом явно окажется еще больше. Организаторам помогают 3000 волонтеров, в основном с севера Италии, но не только. Затраты колоссальные, но дефицита бюджета нет; масштабные площадки притягивают масштабных политиков (завтра, например, ожидают Берлускони); масштабные политики притягивают крупный бизнес.

И тут, вполне в духе Митинга, можно позволить себе три моралистических замечания.

Замечание номер раз. Завистливое и скептическое. Ничего подобного в сегодняшней России представить себе невозможно. Когда-то казалось, что преобразовать общественное сознание удастся сравнительно быстро; народ устал от коммунистического маразма, начнет неустанно искать новые ценностные основания российской жизни. А с экономикой придется повозиться полстолетия, если не больше. Вышло ровным счетом наоборот. В крупных городах экономическая жизнь неузнаваема, общественная выдохлась. При помощи власти, но не только. Главная беда – в нарастающем равнодушии и апатии образованного сословия; никто не верит в собственные силы и солидарное действие; церковь борется за влияние на государство, а не на общество; общество, в свою очередь, все охотней проваливается в летаргический сон.

Замечание номер два. Оптимистическое. Полностью противоречащее только что сказанному. Не всегда нужно считаться с историческими обстоятельствами, иной раз нужно бросать им веселый вызов. Чтобы достичь сегодняшнего размаха, Митинг должен был начинаться с колоссального риска, с детской веры небольшой группы людей в возможность осуществления невозможного замысла. Двадцать семь лет назад общественное движение католиков-мирян, без какой бы то ни было серьезной помощи официального Ватикана (правда, и без вражды), затеяло безнадежный проект. Европейский мир последовательно расцерковлялся, терял христианскую окраску; поиски смысла жизни были не в моде; Митинг пошел наперерез очевидной тенденции, наперерез здравому смыслу и трезвому расчету. Но не сектантски, не героически, не мрачно, а легко и с открытым забралом. Давайте просто поговорим о вещах, которые не вписываются в гипотезу о том, что Бога нет. Давайте попробуем исходить из гипотезы, что Бог есть. И увидим окружающую жизнь, во всех сферах, включая политическую, под другим углом. Оказалось, именно этого люди и ждали. Верующие, неверующие, всякие. Политической системе Митинг необходим. Хотя бы потому, что все разговоры об интеграции мигрантов упираются в простой вопрос: а во что их интегрировать, если европейцы не знают, во что они верят? И Ватикан доволен.

Вывод: если у них получилось, почему у нас – не может?

Замечание номер три. Все условные представления об условном Западе при соприкосновении с безусловной реальностью разбиваются вдребезги. Считается, что европейцы давно и безоговорочно сдались на милость исламского победителя. Что жажда благоудобства и размытые, расфокусированные представления о правах человека одержали окончательную победу над христианскими принципами. Что наивные устремления к неведомой цели жизни стали уделом пожилых чудаков и стареющих маргиналов. Отчасти это правда – если судить обо всем сиюминутно и подчиняясь социологическим законам больших чисел (кто получил численное преимущество, тот и победил). Но если спуститься с абстрактных высот на грешную землю, рассмотреть предмет детально, а главное – в динамике, окажется, что все не так худо. По крайней мере, не так однозначно. А значит, велик шанс, что жизнь развернется в другую сторону. Не везде. Не для всех. Но для многих.

Кстати сказать, на Митинге с большим успехом выступил сенатор Рокко Бутильоне: он был членом Европарламента, собирался стать еврокомиссаром, но во время слушаний на прямой вопрос левых депутатов ответил, что как политик выступает за равенство всех людей перед законом, независимо от их идейных воззрений и сексуальной ориентации, а как

католик считает содомию грехом. И был, разумеется, подвергнут полной и безоговорочной обструкции. Мы его потом спросили, как же он решился на такую вызывающую неполиткорректность. Бутильоне усмехнулся: «Я нормальный человек, я очень хотел стать еврокомиссаром, я был готов на компромиссы. Но депутаты сами на меня напали, стали требовать прямого ответа. И тут я вспомнил слова одного проповедника, которому предложили отречься от Христа в обмен на жизнь: „Я предпочитаю, чтобы мою голову отделили от моего тела, нежели мое сердце отделили от моего Бога“. Ну, а я всего лишь предпочел, чтобы мою задницу отделили от моего служебного кресла, нежели мое сердце отделили от моей веры».

Значит, все-таки – можно? Да и цена, если вдуматься, не слишком высока.

Русские в Китае

На неделе с 28 августа по 3 сентября. – Продолжалось перемирие между Израилем и Ливаном, больше похожее на моральную победу «Хезболлы», одержанную не без помощи мирового сообщества. – На открывшейся Венецианской биеннале российский стенд представлял выдающийся «бумажный архитектор» Александр Бродский. – В это время русские писатели высаживались мощным десантом в Пекине, чтобы принять участие в Пекинской книжной ярмарке, где Россия – главный гость.

Судя по сегодняшним сообщениям, в Москве наконец-то завершились многомесячные переговоры о продаже «Коммерсанта», предпоследней крупной газеты, независимой от государства. На закуску остаются «Ведомости»; их уже покупали структуры Владимира Потанина, но обожглись на хитром западном уставе и продали обратно. Роман Абрамович, на которого привычно указывали слухи (он теперь у нас как Пушкин, в ответе за все), оказался решительно ни при чем. Патриотический металлург Алишер Усманов выкупил издание у непатриотического бизнесмена Бадри Патаркацишвили. Который, в свою очередь, приобрел недостающие акции у совсем плохого бизнесмена Бориса Березовского. Теперь Усманов может гарантировать государству, что газета никогда не пересечет последнюю черту, не покинет пределы Запретного города. Государство, в свою очередь, может пообещать Усманову, что не тронет его владений, как тронуло владения г-на Патаркацишвили и некоторых других непонятливых миллиардеров. По крайней мере пока – не тронет.

Так теперь устроено наше медийное пространство, так теперь развивается российский капитализм. С чем его и поздравляем. Потому что не чекисты довели его до такого состояния. А он сам охотно довел их до состояний – своих. Презирая «пипл», который хаает что дают. «Фильтруя базар». Обособляясь от общества, посмеиваясь над идеалами, которые не могут быть выше, чем интересы. И полагая, что в Запретном городе можно отсидеться, если договориться с его немногочисленными обитателями о правилах хорошего поведения.

В это самое время на другом конце земли, в Пекине, неподалеку от изначального, исходного Запретного города российских журналистов, писателей, а также издателей принимали в Доме народных представителей Китайской Народной Республики. В рамках Года России в Китае наше книжное отечество стало главным гостем Пекинской книжной ярмарки; событие торжественное и хорошее; литераторы встречаются с милейшими китайскими студентами, с отзывчивой публикой; может быть, русскую литературу здесь начнут переводить активной.

Но все-таки расскажем о приеме.

Дом народных представителей построен в те достославные времена, когда в идею коммунистической империи еще верили, ее грозным величием внутренне (а не только внешне) восхищались, при мысли о ней трепетали – и передавали свой трепет в ясных архитектурных формах. (В отличие от нашего Дворца Съездов, возведенного в эпоху социалистиче-

ского декаданса и полного упадка форм, отразившего окончательную утрату содержания.) Кто-то из членов российской делегации сравнил безграничное пространство, прошитое прямоугольными мраморными колоннами, со станцией метро «Комсомольская»; кто-то вспомнил о «Маяковской» и здании МИДа; нет, все еще масштабнее, величественнее и по-своему религиознее. Человек в таком объеме одновременно и мельчает, остро сознавая, какой же он крохотный и несамостоятельный, и возвышается. Потому что ощущает священную связь своей скукожившейся души с потрясающим величием империи. Его допустили на пир богов; сами боги сидят здесь же, рядом, за особыми столами, которые обносят отдельно, по правилам XIX века, в соответствии с чинами.

Принципиальная эклектика (египетский строй колонн, мусульманские орнаменты, европейская музыка, китайская манера поведения) лишь подчеркивает всеохватность происходящего. Соответствующим образом организовано и звуковое пространство; в зале тысячи полторы человек, а их голоса, постукивание вилок и позвякивание бокалов гаснут, растворяются в торжественной тишине, сквозь которую прорываются лишь голоса выступающих, многократно усиленные микрофонами. Переводчик тщательно воспроизводит манеру дикторов позднесоветских времен, интонирует свою речь в соответствии со съездовской стилистикой, и это тоже работает на общий эффект. Равно как поведение официантов: перед началом рассадки они стоят у столиков, как строй солдат на общей молитве; перед сменой блюд одновременно спешат к раздаточной и тут же образуют шеренги. На груди – таблички с номерами, никаких имен. Официант номер 123 456 разливает вино, официантка номер 654 321 ставит на крутящийся столик суп, официанты 456 123 и 321 654 меняют посуду.

Это не просто прием, это политическое действо. Смысл его не в том, чтобы кого-то в чем-то убедить или сделать заявку на будущее; смысл его в том, чтобы подтвердить незыблемость существующих основ и подчеркнуть неизменность ровного пути вперед. Присутствующие – не субъекты, но объекты торжества; от них ничего не зависит, зато они зависят от всего. И пускай некоторые несознательные немцы (кто ж еще) пришли на прием в демократических шортах, на них никто не рассердился: что значат эти несчастные шорты в сравнении с общим замыслом? Да и кто будет смотреть на немца? Все будут смотреть на потолки, подобные поднебесной, на колонны, образующие архитектурный ритм, в худшем случае – на официантов. Жужжи, мушка; кто ты такая, чтобы обращать на тебя внимание.

На таком приеме понимаешь, сколь разнообразен современный мир. Только что, три дня назад, я наблюдал встречу с господином Берлускони в рамках христианского фестиваля в Римини, который называется родным для нас словом «Митинг». (Подробнее о Митинге см. предыдущий текст.) Там тоже было грандиозное пространство – в зале до 8000 человек; все ждали лидера, намеренного объявить о начале нового политического сезона, о мобилизации либеральных и правых сил в борьбе с коммунистами и социалистами. Толпа волновалась; рядом с нами пожилые дамы экстатически вскакивали на стулья; молодежь, взявшись за руки, прыгала и скандировала: «Кто не прыгает с нами, тот коммунист!» Что неправда; мы, например, не прыгали, а коммунистами нас никак не назовешь. В аудитории – вольная энергия энтузиазма, в потоках которой начинаешь вибрировать почти физически.

И вот Берлускони проносят сквозь толпу; зал взрывается от восторга. Вождь в черной рубашке с короткими рукавами и голубом свитере, накинутом на плечи; когда он взмахивает руками, приветствуя сторонников, рубаха на пузе расходится, и это вызывает прилив материнской нежности у собравшихся. Вот какой. Не чванится. Человек в наглухо застегнутом пиджаке смотрелся бы здесь так же уместно, как смотрелся в Доме народных представителей немец в шортах. То есть не прогнали бы, но и понять – не поняли б.

Берлускони и впрямь не чванится. Он говорит, говорит, зажигая аудиторию; берет в руки стакан с водой и забывает выпить; стакан движется в ритме политической жестикуляции, вода отсвечивает – и это усиливает эффект происходящего, как на приеме в Пекине

его усиливала нумерация официантов и акустическая организация пространства. В Римини уместен торжествующий шум, в Пекине – торжественная тишина. Здесь объявляют о начале нового сезона, там – подтверждают незыблемость курса. И то, и то – внутренне последовательно и по-своему цельно. Каждый народ выбирает для себя то, что ему исторически ближе и за что он готов внутренне отвечать. В нынешнем разнообразном мире возможно почти все. Кроме совмещения несовместимого.

...Интересно, а «Ведомости» попытаются перепродать?

Пушкин и Кондопога

На неделе с 4 по 10 сентября. – В ночь с воскресенья на понедельник в карельском городе Кондопога произошла череда погромов; стремясь отомстить за убийство в массовой драке трех русских мужчин, толпа жгла рестораны и магазины, принадлежащие выходцам с Кавказа; милиция и местная власть фактически бездействовали.

События в Кондопоге наводят на самые разные размышления. И о том, что не все благополучно в Датском королевстве. И о том, что профилактические капли датского короля от заразной болезни уже не помогут; придется искать более суровое лекарство. И о том, что найдется много охотников разыграть национальную карту в преддверии бесконечных выборов 2007—2008 годов. Можно будет выбросить на игровой стол череду запылившихся джокеров; от «Наших», которые наконец-то смогут продемонстрировать городу и миру свой интернационалистский потенциал, до лояльных чеченских общественников, которые призывают своих соплеменников к порядку и уважению русских традиций – за что получают с полочки пирожок. Но затея эта слишком опасна; детям не дают играть спичками: подпалят амбар – загорится дом, а тогда и село не потушишь.

Но мы о другом. Не о настоящем. И даже не о ближайшем будущем. Мы – о будущем отдаленном. О том, какую национальную политику следует проводить, чтобы новая Кондопога стала невозможна. По крайней мере, чтобы угроза рецидива резко ослабла.

По существу, история оставила нам три пути, как в русской народной сказке.

Можно действовать как сейчас: пусть расцветает сто цветов, каждый этнос сохраняет свои культурные традиции и бытовые привычки не только на территории компактного проживания, но и повсеместно, где бы ни оказались его представители. Они сбиваются в маленькие национальные кучки и держат глухую оборону от окружающего инородного большинства, замыкаясь от него и уходя – в себя. Это отдаленно напоминает политику европейского мультикультурализма, которая на самом деле привела к образованию непроницаемых инородных анклавов на территории европейских стран. С той лишь разницей, что там это был осознанный выбор, а мы просто плывем по течению.

Можно проводить политику жесткой русификации. То есть медленно нивелировать территориально-государственное устройство, стирая границы автономий, на словах способствуя сохранению родного языка и культуры, а на практике тихо способствуя растворению малых народов в великом русском море. Звучит грозно и как-то неполиткорректно; на самом деле это обычная, давно опробованная и часто применяемая государственная стратегия. Так ведут себя (несколько торопливо и мелочно) латыши; так поступают украинцы; и латвиезация, и украинизация через одно-два поколения дадут свои плоды, и никто уже не вспомнит, какими скандалами и ссорами сопровождался процесс межнационального обнуления. Кроме дотошных историков. Максимальный тираж пятисот экземпляров. Приходите в научный зал, вместе почитаем.

Наконец, можно создать политический плавильный котел. В котором все народы, образующие страну, переплавляются в единую гражданскую нацию: российский народ. Языком

россиян будет язык *русский*, потому что русские по самой своей численности, по праву исторического опыта являются государствообразующим этносом. Но общая культура – при ключевом русском влиянии – будет уже не собственной русской; она будет – сверхнациональной, по имперскому образцу. Будет ли общая вера и окажется ли она православной (при сохранении за мусульманами, иудеями, буддистами полноценного права исповедовать веру по-своему, а за атеистами суверенного права верить в то, что они ни во что не верят)? Зависит от того, какое направление дальнейшего пути выберет Русская православная церковь: будет ли она по-прежнему бороться за чиновное влияние на государство или попытается все-таки обратиться к обществу. Что же до этнической принадлежности, то она никуда не денется, не растворится без остатка; просто национальное сознание каждого гражданина приобретет двойную прописку, двойной ориентир. Главным будет ощущение цивилизационного единства; важным, но подчиненным – чувство этнической принадлежности. Связь с нацией можно уподобить цвету, связь с этносом – оттенку; любое сравнение хромает, некоторые на обе ноги, но мысль, мне кажется, понятна.

В сказке каждая развилка (налево пойдешь... прямо пойдешь... направо...) сулит одновременно удачу и неудачу. Безупречного выбора, прямиком ведущего к безоблачному счастью, нет и быть не может; любой выбор остр как бритва, он отсекает множество отличных возможностей и оставляет узкий путь в заданном направлении. Но можно в конце концов погибнуть, можно полностью потерять себя, а можно начать новую сложную жизнь. У каждой из трех бегло описанных моделей национальной политики есть плюсы и минусы; у каждой имеются сторонники и противники.

Мультикультуралисты до недавнего времени кивали на Запад; вон же, у них получилось! Нет, не получилось. Спецслужбы повсеместно ищут очаги террора в отъединенных, самозамкнутых общинах Лондона; время от времени арабские окраины Парижа подхватывают упавшее было знамя французского пролетариата и устраивают инсценировки то ли 1848, то ли 1870 года; итальянские марокканки (но не марокканские итальянки!) воем воеют от исламистского насилия в семье, куда доступ итальянскому закону наглухо закрыт. Собственно, в Кондопоге мы наблюдали то же самое: непривычная дикость молодых чеченских полубандитов настолько отличалась от привычной дикости своеобразных алкоголиков и хулиганов, что была воспринята как беспредел и захват территории. (Хотя, заметим в скобках, – и это также резко отличает нашу ситуацию от европейской – чеченцам позволяли беспредельничать русские и карельские чиновники, менты и прочие продажные погоновожатые.)

В последнее время появились публичные сторонники и у модели последовательной русификации; среди них не только доморожденные философы «русского пути» и адепты «русского предпринимательства», но и такие публицисты, как Виталий Третьяков. Повторяю, все в истории возможно; вопрос только в цене. И боюсь, что цена этого проекта может оказаться непомерно высокой; на борьбе с ним, на реакции отторжения сойдутся разнородные силы национально-религиозного сопротивления по всей стране, она просто-напросто может не выдержать такого идеологического перегрева. И развалится. После чего – милости просим русифицировать оставшуюся европейскую часть. Минус Поволжье.

Нетрудно догадаться, к чему я веду. И почему колонка названа «Пушкин и Кондопога». При всех издержках, ошибках и даже преступлениях по отношению к тем или иным этносам, Российская империя сумела создать (по крайней мере из представителей образованного сословия, то есть абсолютного меньшинства) образ российского гражданина, для которого принадлежность единой истории первостепенна, а принадлежность к конкретному этносу важна, однако вторична. Что ничуть не мешает работать на этнос, служить его культуре и традиции верой и правдой. Пушкин был русским негритянского происхождения; именно как *россиянин* он ощущал историю страны своей – на всем ее тысячелетнем протяжении; будучи

русским поэтом и человеком империи, он привнес в русскую культуру ощущение всемирного масштаба.

Ждать ли нам того же от потомков кондопогских чеченов? Или, напротив, их карело-русских погромщиков? Казалось бы, само предположение – комично. Но кто же мог предположить, что в роду владетельного эфиопского князька, поднявшего погромный бунт против турецких налоговиков, когда-нибудь родится главный русский гений?

Гайдар и крах империи

На неделе с 11 по 17 сентября. – Лужков отмечал 70-летие. – Гайдар представлял свою новую книгу.

Только не ждите новых инвектив по адресу младореформаторов: не понимали основ национальной жизни, запустили маховик грабительской приватизации, и что еще? а! вспомнил: ваучеры придумали. Потому что если бы не экономическая решительность младореформаторов, разоренная страна умерла бы мучительной голодной смертью, растерзала бы саму себя. И не рассчитывайте на ставший привычным в последние годы лейтмотив: 90-е годы – это эпоха затянувшейся смуты, когда мы слепо блуждали во тьме исторического неведения; и лишь теперь, когда к власти пришли настоящие патриоты и государственники, выбираемся из политического болота. Потому что попробовали бы патриоты и государственники посидеть на вершине власти, когда среднегодовая цена на нефть 9 долларов за баррель, в долг давать не хотят, горбачевские кредиты возвращать нечем, структурные реформы не проведены, а политика публична и открыта, враги не дремлют.

Эта колонка о другом. Вчера в одном из московских книжных магазинов Егор Гайдар прочитал лекцию – в связи с выходом в свет своей новой книги «Гибель империи». Лекция интересная; с цитатами из протоколов заседаний Политбюро, с графиками и диаграммами. Сама история еще интересней: как Советский Союз разучился выращивать хлеб, ради его закупок подсел на нефтяную иглу, а слезть уже не смог; при этом к краху нефтяного рынка 1986 года не подготовился и очень удивился, когда обвал все-таки произошел. По пути СССР забрался в дебри нефтегазового ценообразования, используя кого угодно, даже террористов, для поддержания высоких цен.

Поражает откровенность кремлевских старцев; мы, разумеется, понимали, что они поддерживают Организацию освобождения Палестины не просто так, но казалось, что в своих документах чекисты и коммунисты шифровали истинные цели, маскировали их в обтекаемые фразы о пролетарском интернационализме, американском империализме и борьбе народов за суверенную демократию. Ничего подобного; Андропов прямым текстом пишет Брежневу: главное направление террористической деятельности ООП – взрывы вражеских нефтепроводов и вышек, что непосредственно воздействует на западные рынки, а потому поможем товарищам деньгами и спецсредствами. Поражает и другое: до какой степени дистиллированным, вакуумным было их мышление; они и не предполагали, что противная сторона рано или поздно ответит тем же. Вы играете на повышение; что ж, мы сыграем на понижение. Едва получив пост главы ЦРУ, Кейси отправился на переговоры в Саудовскую Аравию; уж не знаем, что он там королю пообещал, однако 13 сентября 1985 года наши верные арабские друзья сделали знаменитое заявление о том, что будут действовать в своих интересах и резко увеличат добычу нефти. Увеличили. Примерно в четыре раза. Почти в четыре раза цены на сырье и обвалились.

А дальше – политэкономический тупик. Двадцатимиллиардная дыра в бюджете, зерно закупать не на что, поддерживать искусственно низкие цены на сырье в пределах Восточного блока невозможно, а поменять что бы то ни было в устройстве системы не удастся:

правлящий класс решительно не готов. Начинается знаменитое горбачевское балансирование, бегство по замкнутому кругу. Причем поначалу еще казалось, что ситуация как-нибудь сама собой выправится: ну свалились цены, поднимутся же они когда-нибудь! Поднимутся. Через семнадцать лет. А коммерческие кредиты, которые власть надеялась вернуть после возвращения нефтяных сверхцен, давать перестали через четыре года. А кредиты политические (под поручительства западных правительств) обставлены условиями, которые неисполнимы в заданных историей обстоятельствах. Страна трещит по швам; применять силу – значит лишиться надежды на закупки хлеба; не применять силу – значит лишиться надежды на сохранение территории. Опирайтесь на внутренних демократов – значит ставить на кон власть и со стопроцентной вероятностью ее потерять; опираться на своих чекистов – значит потерять остатки экономики и войти в политический штопор. С той же – стопроцентной – вероятностью всеобщего хаоса и раздора.

Гайдар датирует окончательный и бесповоротный распад СССР этой роковой датой: тринадцатым числом. Месяца сентября. Одна тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Дальше вопрос состоял в одном: удастся выйти из тупика с наименьшими потерями или потери будут катастрофическими. Если бы не антиалкогольная кампания, не панические заявления Николая Ивановича Рыжкова о неизбежном повышении цен и проч. – развал мог бы принять куда более мягкие экономические формы. Но сам по себе был уже неотменим.

Рассуждать так сегодня немодно. Сегодня принято датировать распад СССР 8 декабря 1991 года, называть его в лучшем случае «беловежским сговором», в худшем – главной геополитической катастрофой XX века, тосковать по временам справедливого распределения, говорить о нераскрытых преимуществах социалистической системы, погубленной несвоевременной перестройкой. Но история мало интересуется модой (хотя у моды, в том числе интеллектуальной, своя история). Она интересуется фактами и оценками, сделанными на основе знания фактов. А также – как ни странно – человеческой психологией. Потому что слишком многое зависит не от предпосылок как таковых, но от уровня общественного сознания, от степени его гибкости и готовности принять неожиданные решения ради выправления тяжелой ситуации.

Если бы все те жесткие экономические предпосылки, о которых говорил в своей лекции Гайдар, не совместились с неподвижными взглядами политически отупленного большинства – как знать: может, и нашлись бы своевременные решения, которые не просто отсрочили бы, но и распылили бы угрозу полного распада. Если бы с советскими людьми – и наверху, и внизу – можно было бы говорить откровенно, не упираясь в идеологическую стену, – был бы шанс увернуться в последнюю секунду от рокового удара. Впрочем, если бы у людей было открытое сознание, вряд ли бы страна дошла до жизни такой. И до такой смерти.

Вывод. Сегодня политические власти, вновь оказавшиеся на вершине нефтяной пирамиды, ведут себя несравненно умнее, чем вели себя их коммунистические предшественники. Экономические выводы из распада СССР, несомненно, сделаны; есть Стабфонд, есть рынок, есть умение отказать в непомерных социальных просьбах – даже если сегодня лишние деньги имеются. Но что касается общественного сознания, тут, увы, полный швах. С ним не только никто не работает; наоборот, идет последовательное и неуклонное упрощение общественных взглядов на жизнь, на историю, на мировую политику. Черно-белая картинка мира вновь торжествует. Западные враги, их коварные пособники, нефтегазовое братство третьих стран, доблестные чекисты, негодные либералы, управляемая демократия, регулируемый рынок.

Пока – ничего страшного. Потому что не нужно принимать никаких решений, которые этой картинке противоречат, зато соответствуют переменившимся внутренним и внешним

обстоятельствам. А ну как жизнь, качнувшись вправо, качнется влево? Или наоборот? Тогда что?

Не оранжевая. Не революция

На неделе между 18 и 24 сентября. – В Будапеште были уличные беспорядки: толпа возмущалась признанием премьера, который сказал однопартийцам, что все они вдали, вдали, вдали. (Премьер остался.) – В Таиланде не было уличных беспорядков, но правительство ушло. (Случился мягкий переворот.) – В западных газетах появилось интервью помощника российского президента, в котором не названный по имени помощник говорил о борьбе внутри Кремля. (Никто не ушел, ничего не случилось.)

В Будапеште толпы недовольных бескровно громят столицу и подручными средствами выражают недовольство премьером, его враньем и нежеланием уходить в отставку. Так обиженный ребенок бросает вызов взрослому миру и на все вопросы, на все обращения упрямо отвечает «не» и «нет». Нет – не буду – не кашу – не сейчас – не за маму – не за папу – нет. Правда, в руках у восставшего ребенка в лучшем случае мягкие игрушки, в худшем – железный конструктор, но как правило – пластмассовый «Лего»; шума много, угрозы почти никакой. У восставшего обывателя имеются булыжники, «коктейли Молотова», арматура; если кризис не разрешается быстро – подавлением восстания или победой восставших, на смену булыжникам откуда-то берутся гранаты со слезоточивым газом; на следующей стадии появляются настоящие автоматы. Будем надеяться, в Венгрии до этого не дойдет – по той простой причине, что и свергаемая власть, и свершающие ее хулиганы хотят примерно одного и того же. В общую Европу, где не так страшно, где не дадут пропасть поодиночке, хотя и серьезных экономических жертв тоже потребуют. А единая Европа не пустит в свои хорошо промытые ряды страну, замаранную кровью. Как-то некрасиво, фи. И негигиенично.

А то, что происходит в Таиланде, напоминает смену надоевшего главврача в доме престарелых. Завхоз объявляет: всё, хватит, наворовались; если этот вернется, я свет отключу, перекрою воду и не выпишу продукты на завтрак, обед, полдник и ужин. Не вернется – выпишу. А через годик и сам уйду. Да здравствует наш вождь и учитель, начальник всего здравоохранения; мы действуем без его участия, но в его интересах, ура, товарищи! Старшая медсестра ворчит, младший персонал недоволен, но помалкивает, а пациенты бродят по чудному саду, плетут веночки, собираются в кружки и поют душевные патриотические песни.

Какое все это имеет отношение к нам? Казалось бы, никакого. Даже памятник советскому воину-освободителю, как выяснилось, венгры повредили безо всякой русофобской мысли, просто под руку подвернулся. Что он Будапешту, что ему Будапешт, а он рыдает. Таиланд еще дальше; главное, что туристическим планам наших граждан ничего не грозит, поскольку король на месте, военным не пришлось стрелять, а рядовые тайландцы переворота как будто и не заметили. Но вот на какие мысли все это наводит.

Последние два – два с половиной года нас непрестанно пугают оранжевой революцией. Или революцией роз. Придет нехорошая Америка, даст денег предателям, они наймут общественные организации и спровоцируют Майдан, он же площадь Руставели, он же Манежная площадь. Мы немедленно потеряем суверенитет, и прости-прощай суверенная демократия. Поэтому давайте будем обращаться с российской демократией поосторожнее, а то еще неизвестно, куда заведет нас народное волеизъявление, в какие шовинистические и тоталитарные дебри. Присушим политический ландшафт, возьмем полный контроль над партиями, пожертвуем частью абстрактных прав ради конкретных дел. И проскочим на красный свет в пространство Золотого Миллиарда.

Однако ж в последние дни из той самой среды, которая производит все эти концепты, стали доноситься совсем другие песни. Высокопоставленный чиновник (чье имя всем известно, но сохраним дипломатическую формулу) объясняет западным политологам, что во внутреннем раскладе начинают побеждать силовики, что еще немного – и произойдет полный передел государственной собственности в их золотопогонную пользу, что даже «Роснефть», в которую властные либералы согласились закачать нефтяную собственность Ходорковского, ускользает из-под контроля и того гляди будет приватизирована. Сами догадайтесь кем. Вывод: вы, западные, нутка! Вместо того чтоб впрыскивать деньги в русскую оранжевую революцию, впрысните свой политический ресурс в принятие решений, выгодных России. Иначе получите здесь режим, с которым вовсе не захотите иметь дело.

Западники чешут западную репу. И не понимают, кому верить, кого слушать. Своих советников, которые давно уже объяснили им, что никакой оранжевой революции в России не будет. Потому что она уже была, в 1991 году, а сегодня на это ни у кого нет ни сил, ни желания. Или высокопоставленных чиновников, которые никогда прежде так откровенно о внутреннем раздразе не говорили. Между тем правы и советники, и чиновники. Их советники – в том, что никаких управляемых революций в России не будет. Наши чиновники – в том, что управленческая ситуация постепенно заходит в тупик. Когда люди власти начинают ненавидеть друг друга сильнее, чем их – совместно – ненавидит самая отморозенная оппозиция, дело плохо.

Но тут самое время задать важный вопрос либеральным чиновникам, которым стало невмоготу взаимодействовать с авторитарными силовиками. Скажите, пожалуйста, а разве могло быть по-другому? Если вы – в полном согласии с силовиками – прекращаете публичный политический процесс, то рано или поздно этот процесс возобновляется в болезненных формах, причем сразу на двух уровнях. Уличном и бюрократическом. В бюрократии, политически не контролируемой нацией, появляются свои контролеры – и силовики на эту роль подходят куда лучше, чем либералы. А улица искренне поверила, что все хорошо, что экономика растет, что наконец-то страной правит вменяемый, молодой, энергичный вождь, но при этом почему-то чувство недовольства никуда не делось. В ситуации открытой политической системы можно транслировать свое недовольство через голосование на выборах, снять его во время просмотра открытых телевизионных дискуссий («о, как он ему врезал!»). В закрытой системе раздвоенное сознание начинает искать внутреннего врага, виновника бед. И находит его в обнаглевшем кондопожском чечене. Действительно обнаглевшем, кто ж спорит.

У противной стороны есть очень серьезное возражение, от которого отмахиваться по крайней мере глупо. Кого вам наизбирает Кондопога, если открыть клапаны демократии? Пожалуй, что никого хорошего. Но в том и дело, что современные политтехнологии позволяют минимизировать кондопожский синдром, смягчить электоральный удар во время выборов. Но не позволяют распылить раздражение, которое копится, не имея выхода. Его распылять умеют только силовики. Присущими им методами. Вразмен на усиление своих властных позиций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.